

ОТ РЕДАКТОРА [1.htm](#)

письма

-
- ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ ПРОТИВ ВСАДНИКА БЕЗ ГОЛОВЫ** [2.htm](#) *елена сербина*
- ЧЕМ ЗАПОЛНИТЬ ПУСТОТУ?** [3.htm](#) *григорий померанц*
- “АРОМАТ” ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ** [4.htm](#) *марина чудакова*
- ЖУРНАЛ-КЛУБ** [5.htm](#) *марина егорова*
- ОНИ НЕ ХОТЯТ СТАНОВИТЬСЯ ВЗРОСЛЫМИ** [6.htm](#) *елена соловьева*
- ЗА ГРАНЬЮ СОВРЕМЕННОГО МИРА** [7.htm](#) *ольга арэфьева*
- УЧИТЕЛЬ И ПСИХОЛОГ: КТО КОГО** [8.htm](#) *галина резанкина*
-
- ЗАМЕТКИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ** [9.htm](#) *акон назаретян*
- КАК РАССТАВАТЬСЯ С ДЕТЬМИ** [10.htm](#) *александр филиппенко*
- ПЛАНИДА КАЛОШИНА** [11.htm](#) *анатолий цирульников*
- игротерапия*
-
- ИЩИТЕ ТО, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ** [12.htm](#) *ирина прусс*
- ЧАС РЕБЕНКА** [13.htm](#) *гарри лэндрет*
- ИСПЫТАНИЕ РАССТАВАНИЕМ** [14.htm](#) *кристиан вольф*
-
- КАК РАССТАВАТЬСЯ С ДЕТЬМИ** [15.htm](#) *кирилл разлогов*
- ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ КОГДА МЫ СТАНОВИМСЯ МАЛЕНЬКИМИ...** [17.htm](#)
- ПСИХОЛОГИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА** [18.htm](#) *маргарита жамкочьян*
- ЧУДЕСНАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ ДЕТЕЙ** [19.htm](#) *марина аромштам, екатерина лаврентьева*
- как находить ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ в том, что делать нужно** [20.htm](#) *светлана кривцова*
- ВНУТРЕННИЙ ПАЛАЧ В ОЖИДАНИИ ПРИКАЗА** [21.htm](#) *сергей степанов*
- СПИНОЙ ВПЕРЕД К СВОБОДЕ** [22.htm](#) *марина аромштам*
- МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА, ИЗ МЕНЯ СДЕЛАННАЯ** [23.htm](#) *людмила воронова, елена долматова*
- КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ** [24.htm](#) *маргарита жамкочьян, адель фабер, элен мазлиш*
- КАК РАССТАВАТЬСЯ С ДЕТЬМИ** [25.htm](#) *тильда суинтон*
- СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ТЕЛЕПУЗИКОВ** [26.htm](#) *сергей степанов, никита максимов*
- КРУГ ЧТЕНИЯ КНИГИ** [27.htm](#) *анатолий берштейн*
- [28.htm](#) *анатолий цирульников, гунтхард вебер*
- ТРАНС ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ** [29.htm](#) *михаил завалов*

ОТ РЕДАКТОРА | **Педология** – комплексная наука о ребенке. Невероятно популярная во всем мире, в СССР она была запрещена в июле 1936 года постановлением ЦК ВКП(б). Наследницей педологии считают детскую психологию.

.....Тюмень, Чита, Топчиха Алтайского края, поселок Б.Сабы Татарстана, райцентр Беляевка Оренбургской области, город Гурьев, Дудинка и Нерюнги, Москва и Пермь, Чебаркуль Челябинской области и Когалым Ханты-Мансийского автономного округа. А еще Пятигорск, Зеленодольск, Краснодарский край и Барнаул, Салехард и Элиста, Санкт-Петербург и Республика Карелия – десятки городов и поселков, деревень и районных центров, где живут наши читатели. Учителя и школьные библиотекари, психологи и сотрудники научно-методических центров, воспитатели детских садов и преподаватели гимназий, университетов, пединституты, работники университетских и областных библиотек, управлений образования и просто мамы и папы, бабушки и даже один дедушка тоже среди наших новых подписчиков.

Вы, дорогие наши читатели, доказали, что науку о детстве нельзя растоптать. Вы помогли одержать победу над забвением дерзкого племени педологов: Льва Семеновича Выготского, Павла Петровича Блонского, Михаила Яковлевича Басова, Даниила Борисовича Эльконина и многих других, чьи идеи о мире детства, о ценности неодинаковости непохожих друг на друга людей, о союзе по призванию учителей, писателей, врачей, психологов и родителей ... благодаря вам вновь востребованы временем.

Вы нас читаете. Вы нам пишете. Вы нас критикуете. Вы с нами спорите. Вы нам советуете. Значит, вы к нам небезразличны. Значит, наш журнал – клуб общения неравнодушных людей, существует. Значит, существуем для вас и мы, испытывающие вечный страх обмануть ваши ожидания и испытать самую горькую участь в жизни – смерть от равнодушия.

Пишите. Спрашивайте. Отстаивайте свои позиции. Радуйтесь находкам и гневайтесь из-за неудач. И вместе с нами без усталости ищите самих себя как жителей Культуры Достоинства. Искать самих себя в других, в себе – это, наверное, и значит жить. |

**ГОЛОВА
ПРОФЕССОРА
ДОУЭЛЯ ПРОТИВ
ВСАДНИКА БЕЗ
ГОЛОВЫ** | *елена сербина,
Санкт-Петербург*

На страницах вашего журнала встретился очень интересный собеседник – Людмила Воронова, словоисследователь-библиотекарь. Ее размышления о “логах”, “гогах” и классической литературе оказались очень близки по строю размышления, видения и литературы, и жизни. И захотелось продолжить тему.

“Ведущая мальчика” педагогика, похожая на Карабаса, которая управляет марионетками-детьми, дергая за нитки своих методов, не определяет главного: конечный пункт своего следования. Этим занимаются ведомства – раньше партия, теперь Министерство образования. Иногда фрагменты сценария пишут “логи”. И вот по бескрайним просторам практики скачет и скачет причудливыми зигзагами педагогический Всадник без головы, пугая родителей своим силуэтом... Как только появилась возможность свободы, родители стали предпринимать попытки укрыть своих детей от его мешка: кто открыл частную школу, кто просто перевел ребенка на домашнее обучение... Если посчитать, сколько времени проводит ребенок в седле Всадника! Жалко времени детей...

“Логи” выглядят (да абстрактно и являются) персонажами более гуманными. Только Буратино “логом” не был – он был экзистенциалистом, как и автор статьи, “отдрейфовавшая от принципов и методов собственно к детям”. Именно к живым детям, но не к “конструктам” и “парадигмам”, в дебрях, а точнее, в трубках и растворах которых обитают “логи”. Ведь с ними, честно говоря, тоже “не попрыгать, не побегать, не за горохом сходить”. Зато поговорить можно обо всем на свете – как с головой профессора Доуэля. Спору нет – общество значительно более приятное, чем Карабас. Для нас с вами, но не для Буратино. Профессор, конечно, внимателен к окружающим вообще и к детям в частности; он многое подмечает и наделен способностью понимать других. Но не наделен способностью действовать в реальном пространстве и времени. Парадоксальная ситуация? “Лог” в реальной жизни – своего рода виртуальный персонаж. И в этом, кстати, драма самого “лога”.

И все-таки: как же быть детям и родителям? Ведь даже стихийный романтик папа Карло настаивал на Азбуке. Но приставить голову профессора к атлетическому телу всадника пока остается частным делом личного таланта и профессиональней магии каждого конкретного родителя и специалиста. А интересно было бы попробовать сделать это предметом исследования... Ведь медики сначала нафантазировали пересадку органов, а теперь успешно оперируют и пересаживают разные части тела... Нам бы так, “гогам”, вместе с “логами”... |

ЧЕМ ЗАПОЛНИТЬ ПУСТОТУ? | *Григорий Померанец, Москва*

Я прочел статью Геннадия Ягодина и подумал: ведь все на Западе это знают. И про экологический кризис, и про озоновую дыру. Знают – и продолжают жить по-прежнему. Так же как Людовик XV знал, что ведет Францию к катастрофе. У него были умные министры, они ему говорили то, что необходимо было сказать. А он выслушал и ответил: “После нас хоть потоп”. Король привык к роскоши, разорявшей страну, привык к своему уровню потребления. Но не только в этом дело! Не только в уровне потребления как материи. Это еще и дух. Дух достижений, которые измеряются автомобилями и т.п. Дело не в потребительной ценности автомобиля, а в знаковой: пять автомобилей на семью из трех человек как патент на благородство. Дело в деле, в бизнесе как средстве заполнить пустоту души.

Представим себе на минуту, что избиратели поняли необходимость придержать развитие, расширение, усложнение техногенного мира. Что всем стало ясно не только то, что доказано про отдельные угрозы – экологию, наркоманию, СПИД, но и то, чего до сих пор подавляющее большинство не понимает. Всякое лекарство дает осложнения, всякое изобретение грозит чем-то вроде озоновой дыры, и сам темп развития – это разрушительная сила. Но как его оставить? И если это вдруг удастся, что будут делать люди, привыкшие к этому темпу, гордящиеся этим темпом? Как ввести паузы созерцания между делами в цивилизации, которую Томас Мертон назвал “агрессивно несозерцательной”?

В истории прошлых веков эпохи стремительного расширения (по тем временам – военно-административного) уступали место эпохам покаяния за прошлые грехи и переоценки ценностей в пользу физического покоя и духовного роста, устремления ввысь, а не вперед (краду эту антитезу у Чеслава Милоша). И нынешняя цивилизация может уцелеть только в том случае, если из фаустовского (в начале было дело!) станет цивилизацией созидателей, довольствующейся минимумом в производстве и потреблении. Сможет ли школа, по крайней мере, поставить эту задачу? |

**“АРОМАТ”
ЗАЩИТНЫХ
МЕХАНИЗМОВ** | *марина чудакова,
психолог, Новосибирск*

Очень необычный у вас журнал, и своим оформлением, и содержанием. Как-то вам удалось сделать, что большинство материалов словно разговор с читателем, иногда очень личный. Но такой разговор побуждает к диалогу, хочется спорить. Не обижайтесь и не сочтите за критику то, что я хочу вам сообщить, а, скорее, примите меня как вашего заинтересованного читателя и собеседника.

Мне кажется, что вы могли бы публиковать в журнале информацию о новейших открытиях в психологии и педагогике, о которых негде прочесть. Вы все-таки замыкаетесь в кругу привычных тем, и у вас мало нового, вот разве в шестом номере новые и неожиданные повороты в признании чувств у детей и неожиданный ракурс в детство с его дразнилками. Эти статьи не просто заставили задуматься, но и как-то радостно удивиться.

С интересом прочла статью Светланы Кривцовой о защитных механизмах. Давно интересуюсь психоанализом и знаю, что не так легко разобраться в сути защитных механизмов. Статья написана очень изящно, с редкими для профессионального психолога личными интонациями. Но в статье объединяются и по-моему перепутываются две линии: сами защитные механизмы и нарушения в детстве, на разных стадиях развития личности. Создается впечатление, что механизмы защиты, по сути, то же, что и нарушения развития, и что их даже можно привязать к определенным стадиям. Но, по-моему, во-первых, в психоанализе нигде не увязывается формирование защитного механизма с определенной временной стадией развития; во-вторых, те нарушения, которые связаны со стадиями, характеризуются фиксацией, регрессом, то есть нарушениями нормального развития во времени. Утверждать, что механизм защиты формируется как регресс, – это, по-моему, слегка некорректно. Тогда действительно, найдя у себя “очередной” защитный механизм, надо в испуге бежать к психоаналитику. А Адлер считал, что рисунок, конфигурация защитных механизмов составляет индивидуальную особенность личности, а не патологии. В том или ином сочетании они есть у всех, и интересно не какие есть, а каких нет, а то, в каком сочетании они находятся. И тогда получается, что они действительно создают неповторимый “аромат”, а не патологические “запахи”. Впрочем, возможно, это только мое впечатление и автор ничего этого не хотел сказать, просто написал статью в стиле импрессионизма, и это ему, то есть ей, удалось. |

ЖУРНАЛ-КЛУБ | *марина егорова,*
Барнаул

Первые номера производили впечатление рождения журнала нового типа – журнала-клуба, места встречи и живых размышлений людей о жизни, о детях, о профессии. Пятый номер, последний из тех, что читала, – это очень хороший журнал традиционного типа. В нем компетентные сообщения профессионалов об истине в ее различных аспектах. Это не движущийся поток культуры, а икебана ее продуктов. Но, в отличие от печатного слова, индивидуальное общение между людьми всегда остается живым потоком... |

**ОНИ НЕ ХОТЯТ
СТАНОВИТЬСЯ
ВЗРОСЛЫМИ** | *елена соловьева,
психолог*

На пользу ли детям детоцентризм современной культуры семейного и общественного воспитания? Ведь в прошлом ребенок рассматривался как “недовзрослый”. Его основная задача виделась взрослыми и нерелексированно транслировалась самосознанию ребенка как максимально быстрое и качественное приближение его поведения к образцу взрослого.

Вторая половина XX века ознаменовалась изменением взгляда на ребенка дошкольного возраста. Мы стали ценить своеобразие детского мировосприятия. Мы стали создавать подходящие условия для разворачивания их детства как особого способа бытия в мире. Ребенок стал для взрослых образцом бескорыстного неутомимого творца и исследователя, эмоциональности и непосредственности, безыскусственности и искренности проявлений которых нам не хватает в общении между взрослыми. Конечно, это сильно идеализированный ребенок.

...Экскурсия для детей 5-6 лет в Московском Музее деревенского быта была построена так, как будто мы пришли в гости в деревенский дом конца прошлого века. Рассказывая о том, что такое красный угол, хозяйка спросила у детей: “Как вы думаете, кто у меня в доме главный, кого я посажу сейчас в красный угол?” И все дети закричали: “Я!” На вопрос: “Кто будет сидеть ближе всего к отцу за столом?” – она снова услышала однозначный ответ: “Дети!”

Эти ответы – отражения складывающейся в интеллигентных семьях культуры “детоцентризма”. Ребенок становится главным в семье, именно его потребностям, желаниям даже настроению подчиняют взрослые свою жизнь. А хорошо ли для ребенка становиться центром мира взрослых?

От современных подростков приходится слышать, что они не хотят взрослеть. Жизнь взрослых им не нравится, потому что на сегодняшний день она во многом подчинена проблеме зарабатывания денег, и это отнимает практически все время и душевные силы людей. Получается, что детство действительно самый приятный и творческий период жизни. Если раньше детство было периодом тяжелого ученичества и подчинения старшим и по мере роста у ребенка увеличивалась степень его свободы, что и становилось стимулом роста, взросления, то теперь именно в детстве он пользуется всей полнотой свободы и уважения личности, а по мере роста их объем сворачивается. Естественно, что расти – не хочется.

Сохранилась иерархия заботы и помощи от старших к младшим, но исчезла идея привилегий старшего. В результате быть старшим ребенком в семье – большая обуза.

Отсутствует и безусловное главенство старших – родителей, бабушек и дедушек. Ребенок может оспаривать мнения кого угодно, настаивать на своем, практически безнаказанно уже в школе грубить человеку значительно более старшему.

Еще один тревожный симптом. Свободные игры детей старшего дошкольного возраста все меньше воспроизводят жизнь окружающих их взрослых и все больше отражают сюжеты различных мультфильмов, сериалов. Все по той же причине: детям неинтересно играть в нас. В более старшем возрасте им неинтересно становиться такими, как мы, и вести жизнь, похожую на нашу. И вот вопрос: почему? |

**ЗА ГРАНЬЮ
СОВРЕМЕННОГО
МИРА** | *ольга арефьева,
Ашкелон, Израиль*

Интеллектуальный, красивый, профессиональный журнал – основное ощущение от чтения трех номеров, которые привезли мне из Москвы в подарок. Хороша прикладная психология и раздел рецензий о книгах. Здесь, в Израиле, такой печатной продукции нет, все делается наспех, легко и яркие искорки мысли тонут в горах глупостей.

Но вот, что интересно. Из ваших вычищенных, отмытых (в хорошем смысле) текстов вдруг выглядывает такой “совок” – человек совершенно невозможный и непонятный даже здесь, в нашем безумном и непонятном в Израиле.

Ну что за всхлипы в пятом номере о дворе? Мало всяких коммуналок в жизни? Во всем мире человек человеку, слава богу, сосед. Не нужен мне даже доброжелательный наблюдатель? Нет, нет, нет! Я выбираю общение всего мира, а не по месту жительства. И строят всюду отношения четко: нужна няня – плати деньгами, а не жизнью (временем, общением). А из детства дети берут в будущее свой дом с кошками, собаками, озером, яблонями, сестренкой... Все вернулось к началу на этом новом витке. Дом должен быть теплым и интимным для человека. Все копят, изучают, следуют своему “эго”, в которое Господь вложил замысел, и чем больше “коллективного” в человеке, тем труднее ему понять себя.

Поразила и другая статья этого номера “Удар в лицо”. Насилие – это то, в чем обвиняют эмиграцию здесь в Израиле. Соседский внук в подростковой потасовке ударил кого-то из ребят сильнее, чем принято. И вот теперь полиция регулярно “навещает” эту семью, ждет: через полгода Сашко исполнится 14 лет и состоится суд. А уж до крови! Во всем мире родители без всяких воспитательских заморочек будут всегда заступаться за детей. И не о чем рассуждать. И думать не о чем. Нельзя! Ни бить, ни отвечать битьем. И уж лучше быть битым, чем помнить капли чужой крови на лестнице в подъезде...

Ощущение такое, что Россия выпадает из ментальности всего остального мира, она грубее мыслит, топорнее подходит к проблемам. Да, всюду бьют, всюду в школах стреляют, дети носят кастеты, ножи и оружие, но нигде в мире не идет речь о том, как к этому приспособиться и приспособить детей. Это – за гранью современного мира. |

**УЧИТЕЛЬ И
ПСИХОЛОГ: КТО
КОГО** | *галина резанкина,
психолог, Балашиха*

Искусственное противопоставление психологов педагогам и наоборот напоминает мне детсадовское “Кто сильнее – лев или тигр?” или дискуссию шестидесятых на тему “физики и лирики”. Рискну предложить свой взгляд на взаимоотношения педагога и психолога в школе.

Психологами становятся:

- а) когда хотят решить личные проблемы;
- б) когда хотят найти более эффективные способы достижения своих целей;
- в) другое.

Учителями становятся:

- а) когда хотят решить личные проблемы;
- б) когда хотят найти более эффективные способы достижения своих целей;
- в) другое.

Психолог, выбирающий свою профессию, руководствуясь первым мотивом, может быть блестящим аналитиком и глубоким исследователем, но...

Учитель, выбирающий свою профессию, руководствуясь первым мотивом, может быть эрудированным предметником и великолепным методистом, но...

Когда встречаются два таких специалиста, отношения между ними строятся по принципу “преследователь – жертва”. Причем в последнее время, по моим наблюдениям, несмотря на численный перевес, в роли “жертвы” чаще оказывается учитель. Психолог, “белый и пушистый”, в лучшем случае – немой укор для учителя, который: “имеет смутное представление о культуре достоинства и способах ее формирования в школе”; “не владеет навыками конструктивного взаимодействия с детьми”; “не понимает миссии психолога в школе” и т.д.

Учителя в долгу не остаются, считая, что психолог именно в их школе: “неизвестно чем занимается”; а когда это известно, то “неизвестно, что с этим потом делать”.

Есть целые школьные коллективы, в которых психологи “не живут”. Они не вписываются в систему ценностей данного учебного заведения. Их не понимают и не принимают. Плохие им достались школы.

ТАКИМ психологам и ТАКИМ учителям тяжело вместе не потому, что они разные. Тяжело потому, что они – **ОДИНАКОВЫЕ**. Они хотят быть услышанными другими, но не умеют слушать. Они хотят быть понятыми другими, но не стремятся понять других. Им тесно на одном пьедестале.

Чем выше профессиональный и личностный уровень каждого, тем легче учителю и психологу вместе. Потому что настоящий учитель – всегда хороший психолог. А два хороших психолога всегда договорятся. |

ЗАМЕТКИ О ЦЕЛОВОЧЕВОЙ АГРЕССИВНОСТИ

акон назаретян

« много лет занимается политической психологией, культурной антропологией и методологией науки. Кандидат психологических и доктор философских наук, профессор факультета психологии МГУ. Автор книг "Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы", "Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры" и других.

Помню, как в начале восьмидесятых удивился, узнав, что зарубежные фирмы доплачивают своим сотрудникам в Москве "за вредность". Вроде бы и климат у нас здоровый, и власть брочная, и преступность умеренная, и эпидемий осрыбных не бывает — не то что в какой-нибудь знойной африканской стране. Какая тут "вредность"? Тогда же получил справку: бедная событиями социальная среда считается неблагоприятной для здоровья западного человека.

Мы, люди советские, получали свои отрицательные эмоции, простаивая день за днем в очередях среди раздраженных соотечественников, систематически плакались друг другу о том, как все плохо дома и на работе (психологи называли это культурной нитью), с убогаемой смелостью ругая линию КПСС на кухнях и слушая по радио усердно запоминаемые "чужие голоса". А нашим зарубежным гостям и этого было не дано. Скучно... как в раю.

Как правило, мы убеждены, что чувствовали бы себя вполне счастливо в беспорочной среде, где бы все предметные потребности легко удовлетворялись и все окружающие разделяли один только наш (единственно правильный!) взгляд на вещи. Однако издревле существовали мудрецы, сомневающиеся в справедливости такого мнения. "Бойся своих желаний, ибо они имеют свойство исполняться", — гласит суфийская надпись.

Лет тридцать назад в печати появились сообщения о странном изобретении предприимчивых англичан: они организовали "коммерческие концлагерь". Пресыщенный богач, заплатив по преискурранту, попадает на пару недель за ключочую проволоку, где дюжие молодцы в эзесовской форме избивают, унижают и измываются над ним по рецептам фашистских палачей. Клиент лишен права прервать свое заключение до срока. Отличие от "оригинала" только в краткости срока и в том, что заключенному гарантируется сохранение жизни. Зато по выходе на волю жизнь кажется как никогда прекрасной и удивительной...

Патология, "гримасы общества изобилия"? Но ведь подобного рода примеры шокируют разве что своей прямолинейностью. Варианты того же приема — "чернуха", фильмы ужасов, на которые миллионы людей тратят время и деньги. Я уже не говорю о том, что многие из нас с детства зачитываются приключескими романами, детективами, переживая опасностям и удачам героев. Да и утонченной душе хорошо знакомо явление "катарсиса" — очищение трагедией, на котором строятся лучшие образцы высокого искусства.

Но даже люди, наделенные самым изощренным умением "обливаться слезами над вымыслом", не довольствуются переживаниями-заменителями. Человек бесхозяйственно ищет подлинные страдания. Наблюдают над поведением людей, часто психически вполне здоровых, застаивают заподозрив, что погорячился-таки Эпикур, заключив, будто людям свойственно всегда стремиться к удовольствию и избегать страдания. Впрочем, великий грек не случайно ориентировал своих последователей исключительно на умеренные эмоции, поскольку догадывался: в острых эмоциональных переживаниях наслаждение и страдание переплетены настолько тесно, что их и не различить.

Советские психологи мыслили эмоциональную жизнь человека в духе эпикурейского учения. Потому они то и дело с удивлением открывали для себя факты, о которых давно вроде бы знали из зарубежной научной литературы.

Скажем, в первых московских семейных консультациях причины ссор между супругами объясняли в основном накоплением мелких, незаметных на первый взгляд ошибок в отношениях: муж забыл поздравить жену с именинами, жена съязвила по поводу свекрови... И только позже заметили, что у некоторых мужчин в результате ссоры усиливается половое возбуждение, а некоторые женщины, лишь будучи побеждены в конфликте мужиной, испытывают полноценный оргазм. Пары подчас бессознательно стремятся к конфликту: периодические обострения нужны им для сохранения гармонии. Кому-то бывает довольно игровой имитации, конфликта понарошку, а кому-то необходимы серьезная ненависть и вражда.

Столь же запоздалым откровением стало экспериментально обнаруженное стремление людей к "немотивированному риску" — само по себе переживание опасности для человека часто ценнее, чем выигрыш. А вот характерное описание историка. "Монгольские завоеватели, ведомые Чингисханом и Батьем, тащили бесконечное множество взяток в бою и утилитарно совершенно бесполезных трофеев. Они мешали быстрой продвижению войска, и их бросали, чтобы пополнить свои бесконечные богатства во вновь покоренных городах. Сокровища эти только в относительной малой доле достигали своей центрально-азиатской "метрополи". В конце XIV и в XV веке люди по Монголии кочевали по преимуществу все с тем же нехитрым шарбом, что и накануне мировых завоеваний". Похожие соображения приводят исследователи крестовых походов, конкисты и прочих масштабных военных авантур. Все это наглядные свидетельства того, что процесс войны, штурма, риска, грабежа ценнее, чем предметные результаты...

В самые последние годы мы опять недоумеваем, заметив, что при наличии свободного выбора люди охотнее воспринимают эмоционально негативную, нежели эмоционально позитивную информацию. И пошла писать губерния — кто о загадочной русской душе, кто о "совковом мазохизме". Как бы и невдомек, что на том же принципе строится работа западной прессы, радио, телевидения: известия о скандалах, близящейся инфляции, росте преступности, ужасах грядущего Апокалипсиса скрываются сильнее (и оплачиваются выше), чем данные об успехах — даже вполне реальных или компетентно прогнозируемых. "Уверен, никто из читателей не стремится к злу, — писал много лет назад популярный американский журналист. — Но воображите, что в мире навсегда исчезли войны, катастрофы, преступления, и газеты, выпуск за выпуском, лежат одними радостными известиями..."

Правда, в России 90-х годов эти общечеловеческие тенденции были несколько гипертрофированы из-за того, что бывшие советские граждане прежде пресытились драматургическим голосом диктора ТВ, и сердца москвичей замирали в сладостном ужасе. "Средняя продолжительность жизни россиян стремительно уменьшается", — сокрушалась телеведущая, но после 94-го года. Когда кривая продолжительности жизни заметно пошла вверх, тема перестала интересовать и журналистов, и зрителей...

Нам обычно кажется, что мы ясно знаем, чего хотим, что действуем для достижения конкретных целей, и потому только и действуем, что желаем достичь этих целей. Люди стремятся выйти замуж, вырастить детей, разбогатеть, защитить диссертацию, поставить спортивный рекорд, получить привилегии в науке или в политике, прославить свое отечество, добиться торжества революционных идей... Но вот цель достигнута — и чувствуешь: что-то не то. И виделось все не так, и хотелось не того, да и стоило ли. И вдруг отбрасывается смысл ехидной шутки Оскара Уайльда, что самое страшное наказание, какое Бог способен придумать для человека, — исполнение всех желаний. "Сигу в президиуме — а счастья нет", как выразился один персонаж советской прозы. Психологи также называют такое состояние экзистенциальной фрустрацией, или синдромом Мартина Идена. Человеку как воздух нужны трудности, поражения, неудачи. Только на таком фоне возможны успехи, реальные или мнимые, которые и создают душевный комфорт.

Но это значит, что человек повсюду должен встречать сопротивление среды. Противодействующие силы, вызывающие с его стороны ответное напряжение, нужны ему и в физической работе, и в интеллектуальном труде, и в общении с другими людьми. Без противоборства нет эффективного общения. Разве что общение с мертвецом, как в знаменитых проповедах Заратустры: мертвый Фридрих Ницше не слушает, носится с собой остатками погибшего цыркача, считая героя своим благодарным слушателем, поскольку он не сопротивляется речам учителя. В психологии общения даже есть такой термин — аудитория Заратустры, не сопротивляющаяся, психологически мертвые слушатели.

Но во взаимодействии живых проявляется самое загадочное — можно сказать, самое "иррациональное" — обстоятельство: человека периодически перестает удовлетворять обычный уровень напряжения, и он начинает, чаще всего неосознанно, провоцировать неустойчивость, обострение конфликтов. В межличностных, в производственных отношениях. В этической связи говорят о "психическом маятнике", о заражении и подражании, ссылаются на геологические и космические влияния. В этом вопросе психологам многое пока остается неясным. Есть, правда, интересные подсказки со стороны физиологов.

Оказывается, при погружении человека в кому самым последним — позже полового, пищевого — угасает агрессивно-оборонительный рефлекс. А в лимбической структуре мозга удалось обнаружить нейроны, возбуждение которых вызывает эмоцию гнева, ярости. Как все прочие нейроны, они нуждаются в периодическом возбуждении. Если же возбуждение долго не наступает, у нейрона снижается порог возбуждения, то есть он готов к возбуждению при минимальном раздражении. Поведенчески это выражается в том, что человек начинает бесхозяйственно искать поводы для недовольства и конфликта. Думаю, взрослый читатель легко вспомнит и подходящие эпизоды из личного опыта, и расхожие анекдоты.

Вообщем, для психолога, как и для биолога, в отличие, скажем, от политика или специалиста по философской этике агрессия — не ругательное слово. Когда мне доводится работать со школьными учителями, я объясняю, что не следует жаловаться на агрессивность детей: это жизненная сила, материал, с которым можно и нужно работать. Если, конечно, есть желание и умение.

Правда, существуют значительные индивидуальные различия в уровне агрессивности, хотя я бы не торопился утверждать, что низкий уровень агрессивности безусловно тештами, рассказывал, что по получаемым результатам удивительно похожими оказываются профили поэты, композитора или ученого с высоким творческим потенциалом и убийцы-рецидивиста.

Вот что важно по большому счету: в каких формах выражается агрессия и насколько эти формы адекватны социальной ситуации. Чтобы сказанное было понятнее, назову несколько имен, носителей которых, судя по их жизнеописанию, имели чрезвычайно высокий уровень индивидуальной агрессивности. Иисус Христос, Магомет, Христофор Колумб, Людовик Ван Бельховен, Владимир Ильич Ленин, Адольф Гитлер... Этот список продолжать и продолжать.

Читаешь исторические романы, учебники, монографии, летописи — и диву даешься. Будто бес какой сидит в людях. Племня на племя, войско на войско, католики на гуситов, мусульмане на христиан, немцы на французов, бедные на богатых... Войны, насилие, кровавые конфликты буквально пронизывают человеческую историю.

Неужели так и было в действительности? Вообще-то не совсем. Знаете, что делали летописцы в те годы, когда войн и катастроф не происходило? Ставили прочерк или лаконично сообщали: "Миру быть".

Это уже свойство человеческого внимания и памяти. В 1996 году — последнем году "первой чеченской кампании" — в России от отравления некачественной водкой погибли в сто раз (!) больше людей, чем на войне. Сравнив же площадь газетных страниц или объем эфирного времени, посвященных той и другой темам, мы получим, конечно, не строгое, но весьма наглядное представление о том, насколько человеческие конфликты "интереснее" (только ли журналистам?!), чем прочие события, даже трагические.

За что же воевали люди? За что они воюют по сей день? Вопрос, как мы уже знаем, непростой, но мы не можем не возвращаться к нему снова и снова, ибо от разрешения этой головоломки зависит судьба цивилизации.

Впрочем, для тех, кто привык объяснять социальные коллизии столкновением антагонистических интересов, вопрос решается просто. Все люди (а особенно — "народы") жаждут мира, спокойной жизни. Значит — эту мысль коммунистические идеологи охотно заимствовали у Жан-Жака Руссо, — виновата частная собственность. Богатым нужно умножать богатства, расширять владения, добывать новых рабов, бороться за источники сырья и рынки сбыта, отвлекать бедных от борьбы за социальную справедливость. Вот они и обрекают народы из века в век на братоубийство. В первобытном обществе без эксплуататоров народы были миролюбивы и доброжелательны, такими они остаются опять, после того как на планете будет уничтожена частная собственность. Короле, чтобы навсегда ликвидировать угрозу войны, необходимо раздавить гидру капитализма. "Иной нет у нас пути, в руках у нас винтовка..."

Красивая схема, вдохновляющая на новые боевые подвиги. Только концы с концами не очень сходятся. Еще в школе учитель выгнал меня из класса за откровенный вопрос: если первыми в истории рабами становились военнопленные, то откуда же они брались в доклассовом обществе без войны? А вскоре последовала череда вооруженных конфликтов между "бесклассовыми" государствами — СССР и Китаем, Китаем и Вьетнамом, Вьетнамом и Кампучией. К тому же археологи и этнографы обнаружили, что в первобытном доклассовом обществе племена воевали и воюют между собой ничуть не менее жестоко. И старую схему стали стыдливо замалчивать.

В самом деле, за что же воевали люди и их далекие предки-копиеподобные предки, когда ни частной собственности, ни "эксплуатация человека человеком" не было и в помине? За территорию, охотничьи угодья? Такой мотив, несомненно, присутствовал, но едва ли был определяющим. Замечено: войны в первобытном обществе интенсифицируются не столько в период оскудения угодий (что было бы логичнее), сколько, наоборот, после удачной охоты, когда сила играет в мышцах и хочется новых побед...

А вы верите, что в "цивилизованном" обществе сражаются ради материальных благ? Тогда вспомните в счастливые лица манифестантов, запрудивших улицы Петрограда, Берлина, Парижа и Вены в августе 1914 года, в самом начале Первой мировой войны. Это ведь не генералы так ликуют и не буржуа в ожидании грядущих прибылей, а тот самый простой люд, которому вскоре предстоит сделаться "тушечным мясом"...

Может быть, люди воюют просто оттого, что они разные? У нас разная внешность, различные языки, культуры, религии, и у каждого рода, племени, класса свои истины. И каждый хочет утвердить свой язык, свою религию, свою правду. Утвердится на свете один народ, одна вера, один класс, один язык — и дракам конец! Не будет больше под боком иноликих, иноязычных, неверных, да и врагам.

Но как быть без забав молодецких пушкинским семи богатырям? Где и на ком им тогда "Руку правую потешить, / Сорочина в поле спешить, / Иль башку с широких плеч / У татарина отсечь, / Или вытравить из леса / Пятигорского черкеса"? Как тут не вспомнить ятарскую сенцу из "Тугейного художника". На площади в Тамбове пьяный русский палач истребляет лютые местных ослушников. Орудует с энтузиазмом, забывая людей до смерти. И орет в злобном иступлении: "Еще, еще дайте, вых тамбовских убою!"

Нет, не потому люди дерутся, что они разные, а потому, что одинаковые. Это давно заметили и антропологи, и психологи и даже экономисты. Так, выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих фон Хайек убедительно доказал: демографический рост опасен, чреват конфликтами и экологическими кризисами тогда, когда увеличивается количество одинаковых людей. Когда же увеличивается количество разных видов, это сопровождается умножением социальных услуг, отходы одних деятельности становятся сырьем для других деятельности, — а значит, с ростом населения снижается и социальная конфликтность, и нагрузка на природную среду.

А когда люди одинаково мыслят и чувствуют, хотят одного и того же и владеют ограниченным набором ресурсов, возникает напряжение на рынке труда между индивидами, между группами, между обществами и природой... А найти виноватых — это, как говорится, дурацкое дело нехитрое. Деревяна на деревяно, улица на улицу, барак на барак. На своих и чужих люди делится удивительно легко, а для более масштабных мероприятий к услугам имеются всеядные жрецы, попы или партайгеноссе, которые подо все подведут недостающую базу.

Я вове не считаю экономические, экологические, этические, идейно-религиозные аспекты социальных конфликтов блефом. Но трудно поверить, что если бы Гроб Господень не находился в окружении иноверцев, если бы испанская корона на блюдецке преподнесла сокровища Вест-Индии и если бы славяне на Руси встретили пришельцев с Востока хлебном-солью, то крестоносцы, Кортес и Чингисхан провели бы свои жизни в трудах праведных. Никогда не мешает пополнить казну, расширить жизненное пространство и уж тем более исполнить Волю Божию, нести свет Истинной Веры, отстранить неразумным хазарам, помочь угнетенным братьям... И вот разбойники обращаются в христово воинство, в национальных героев, в нестягаемых борцов за доброе дело... Древние правители были откровеннее, когда издавали политическую грамотность кровопролитностью войны и похвалялись перед своими богами многочисленностью жертв. Им не были нужны изысканные самооправдания.

Я хочу сказать, что проблема глубже и страшнее, чем это кажется на первый взгляд, ибо война и прочие кровопролития отвечают глубинным потребностям человека. Крупнейший исследователь агрессии австрийский ученый Конрад Лоренц писал: если бы инстинкт агрессии "был лишь рудиментом, то положенные внешне условия, что предполагают многие социологи и психологи, на одержание человечества было бы не так опасно, как в действительности". К этому добавляется тонкое наблюдение другого известного психолога, Анатолия Рапопорта: "Не ненависть, а, наоборот, альтуризм, готовность сотрудничать, возможно, играют важнейшую роль в приспособлении человека к войне, в сохранении института войны".

Также естественно, воюющая армия — это не агрессивная толпа, здесь могут актуализоваться такие благородные мотивы, как потребность в самопожертвовании, в смысле жизни и прочее. Взрослый вменяемый человек, отправляясь на войну, не может не понимать, что рискует жизнью и здоровьем. И это отталкивает ощущение личной востребованности, нужности — своему Народу, Партии, Королю, Богу, Человечеству...

Вот ведь какая незадача выходит. Человек страшен тем же, чем он прекрасен, своим безбоязненным духом. Внимательный анализ войн, экологических кризисов и прочих рукотворных катастроф на всем протяжении истории показывает, что чаще всего их причиной становятся не материальные, тем более не физиологические, а именно духовные потребности.

Не следует ли отсюда, что война неистребима, пока существует человек? Но если это так, то цивилизация на нашей планете обречена. Люди овладевали такими энергиями и ресурсами, что сотня сумасшедших способна была бы истребить человеческое. И ситуация усугубляется. XX век был веком орудия массового поражения, хотя политикам худо-бедно удалось обуздать эту страшную силу, направив противоречия в русло локальных конфликтов и избегая всяким образом глобального обвала. Это огромное историческое достижение, на мой взгляд, пока не оценено по достоинству.

Но логика дальнейшего развития такова, что оружие становится все более изощренным и все менее подконтрольным. Ученые заговорили о том, что наступают все знаниями финансовые и сырьевые затраты — достаточно овладеть определенными знаниями и навыками. Оружие высальзывает из-под государственного контроля и становится доступно небольшим корпорациям и даже отдельным лицам, а значит, уже несколько, простите, хорошо образованных придурков в силах спровоцировать необратимые глобальные последствия. Сможет ли человечество справиться с возрастающей опасностью?

Конечно, я не знаю ответа на этот вопрос. Но расхожо о результате исследования, которое, как мне представляется, дают повод для очень осторожного оптимизма.

Вам, наверное, приходилось слышать, что человек — самое сложное существо в мире и чуть ли не единственное животное, убивающее себе подобных. Верно ли это? Известно, что у высших животных имеется инстинкт, тормозящий смертоносную агрессию против особей своего вида, и чем сильнее животное, тем прочнее этот инстинкт. Ворон ворону глаз не выклюет, зато голубка, символ мира, способна медленно и страшно добывать поверженного противника. Люди же произшли от биологически безобидного существа, не имевшего мощных клыков, рогов и копыт, а потому и достаточно сильного инстинкта торможения внутривидовой агрессии. Уже упоминавшийся: Конрад Лоренц даже высказал сожаление, что человек не обладает "натурой хищника": вот если бы нашими предками были, например, львы, тогда бы войны не играли в жизни людей такой роли.

В ответ на это американские социобиологи провели серию скрупулезных расчетов и обнаружили поразительный факт. На единично попарно львы (а также гиены и другие сильные хищники) убивают друг друга чаще, чем современные люди!

Восклицательный знак — потому что это и вправду сенсация. Ведь никто не опроверг того, что льву свойствен мощный популяционно-генетический инстинкт, а у человека такой инстинкт почти отсутствует. Кроме того, львы не живут так плотно, как, например, современные горожане, а концентрация и у животных, и у людей обычно повышает уровень агрессивности.

Конец, самое главное: несопоставимы "инструментальные" возможности. Мошным клыком одного льва противостоят прочная шкура другого. Человеку же убить человека всегда было необычайно легко. Вспомним шуточную песню Владимира Высоцкого про то, как абorigine съели известного путешественника. "Кому-то под руку попался каменюка, / Метнул, гадюка, — / И негу Кука...". А в распоряжении людей давно уже имеется кое-что посущественнее камня, кости и дубины.

Добавлю к этому еще одно парадоксальное обстоятельство. По нашим расчетам, во всех междунородных и гражданских войнах XX века погибли от 110 до 140 миллионов человек, включая мирных жителей, умиравших при этом от бомб, голода и болезней. Числа, несомненно, чудовищные и беспримыры. Но за это время на Земле жили (в трех поколениях) 10,5 миллиарда людей, и, таким образом, военные жертвы составляют менее полутора процентов. Приплюсовав политические репрессии в мирное время и бытовую криминал, мы убедимся, что в общей сложности количество жертв социального насилия составило около трех процентов от общей численности населения планеты.

Далее мы попытались сопоставить эти показатели с косвенными данными по прежним историческим эпохам и с наблюдениями этнографов. Оказалось, что процент военных жертв из века в век остается приблизительно одинаковым (за исключением некоторых особенно кровавых столетий, типа шестнадцатого и семнадцатого). Зато все войны, особенно в Европе, почти всегда убивали друг друга чаще.

И опять придется поставить восклицательный знак. В процессе исторического развития последовательно возрастали убойная сила оружия и плотность проживания людей, а процент жертв социального насилия от общей численности населения не только не увеличивался, но и в долгосрочной тенденции, даже уменьшался!

Значит, культура обладает способностью уравновешивать исторически возрастающий потенциал взаимного истребления. По крайней мере до сих пор это с грехом пополам удавалось. Вообще-то мы и проводим расчеты жертв в различных эпохах для того, чтобы проверить гипотезу, возникшую при изучении экологических и политических кризисов.

Наши отдаленные предки, начав использовать искусственные орудия, нарушили целый ряд природных балансов. Выжить они смогли благодаря тому, что выстроили новые, неизвестные природе средства сдерживания агрессии. Так в древнем каменном веке наряду с материальной культурой начала формироваться другая культура — искусственные средства регуляции поведения.

Теперь уже внутренняя устойчивость социальных коллективов сохраняется не от инстинктивных тормозов (которые заведомо недостаточны), а от того, что человек ли баланс между материальными технологиями и способностью культуры сдерживать агрессию, а точнее, направляя ее в нужное русло. Когда же баланс силы и мудрости нарушался, общество подрывало природные и организационные основы существования и было под обломками собственного могущества. Такое многократно происходило в истории как со сравнительно небольшими поселениями, так и с крупными цивилизациями.

Вот один из примеров, описанных современными этнографами. Во Вьетнаме тысячаletиями жило первобытное племя горных ххмеров. За время войны им в руки попали американские карабины. Опытные охотники быстро поняли преимущество огнестрельного оружия перед луком и стрелами и научились им пользоваться. Дальше случилось то, что обычно происходит в подобных случаях. Упиваясь новообретенной силой, дикари в считанные годы перебили всю дичь, перестреляли друг друга, а оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали...

Но не всегда в истории дисбаланс новых технологий со старой психологией завершался столь же катастрофически. В ряде случаев удавалось ответить на вызов коренной переоценкой ценностей, совершенствованием отношений между людьми, между социальными коллективами, а также между обществом и природой. Так происходили культурные революции, которые последовательно и необратимо изменяли облик человеческого организма. И постоянно действовал механизм отбора, выбраковывающий общественные организмы. Не способные восстановить нарушенный техно-гуманный баланс.

Сегодня мировая цивилизация вступает в трудную фазу очередного комплексного кризиса, вызванного бурным развитием технологий. Говорят, чтобы выжить, люди должны стать менее агрессивными. Такая постановка вопроса не совсем точна постольку, поскольку агрессия является неотъемлемым свойством всего живого. Человечество дожило до наших дней и преодолело созданные его же деятельностью кризисы не потому, что люди становились менее агрессивными, а потому, что культура находила все более разнообразные формы, каналы и сферы приложения человеческой энергии. Психологи называют это замещением, сублимацией, канализацией... Проще говоря, до сих пор обществу удавалось приспособливаться к своему возрастающему могуществу.

Как конкретно это происходило в прошлом, каковы шансы на то, что глобальной катастрофы удастся избежать в наступающем столетии, и необходимые для этого условия — эти вопросы я подробно рассмотрел в книге "Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, социология и футурология)", которая выходит в издательстве Per Se. |

КАК РАССТАВАТЬСЯ С ДЕТЬМИ | *александр филиппенко*

Как отпустить детей, когда они вырастают? Инструктирование и просветительская работа! Разъяснительная работа и просвещение! Нет других путей к истинной культуре! Я имею в виду культуру нормальных отношений между детьми и родителями, которой у нас нет ни к черту! Выход один: всем смотреть фильм “Отец невесты”! Причем как “Отец невесты -1”, так и “Отец невесты-2”! Я это говорю абсолютно серьезно. Когда моя дочь выросла и зажила собственной жизнью, я волновался страшно – за нее и за себя. Простой прямой фильм оказался экранизацией моих страхов. Страхи стали отныне смешными. И... приятно осознавать, что даже и фильмы о твоих проблемах снимают, какая махина производственная задействована – Голливуд! – чтоб тебе, дураку, что-то объяснить... Словом, я лично понял, что как отец взрослой дочери не одинок во Вселенной. А это само по себе утешает. Но в фильме есть и сущностные вещи. Очень тонкие наблюдения по поводу отношений взрослых дочерей и отцов, все трясущихся за свою кровиночку... Да, очень тонкие наблюдения.

И все-таки, наверное, это изначальное желание всех родителей – чтоб твои дети были с тобой. Мои старшие дети давно уже не живут со мной (или я перестал жить с ними, когда они были совсем детьми). А вот младшие, надеюсь, продолжат жить с родителями и во взрослой жизни. Вы скажете, родительский эгоизм? Но ведь дело не в том, с кем жить и в каком количестве должны быть эти “кто”. Дело в том, как. Да, в нашей стране – я подчеркиваю, в нашей стране – уход детей от родителей – для родителей всегда драма. Какого масштаба – другой разговор. Но драма или травма наверняка. Потому что нарушен наш, российский, жизненный уклад, уклад, который существовал в России на протяжении жизни многих поколений. Уклад отношений поколений. Ведь как было в России от века – сын в 16-18 лет женился, родитель отдавал молодой семье полдома, лошадь, корову и ставил забор между хозяйствами. Новое поколение оказывалось за забором, в своем мире, наедине со своей личной ответственностью, но – всего лишь за забором. Оно должно быть рядом – так поддерживалась здоровая клановость жизни, неразрывность уз...

Так что я считаю, что когда мы расстраиваемся, пугаемся того, что дети от нас уходят-отделяются – это оттого, что в глубине души мы все еще жители той России, крестьянской страны, в которой сыну отдавалась половина родительского дома... Мы все еще переживаем, что та страна, которая осталась в наших генах, разрушена. Что ее место некогда занял пионеротряд и коллективная безответственность. Конечно, надо бороться с собой, с родительским эгоизмом и смотреть “Отец невесты”. Но неплохо было бы и всем российским семьям по дому раздать... |

“Отец невесты -1”, “Отец невесты-2” – комедии режиссера Чарльза Шайера/Charles Shyer (Father of the Bride-I, Father of the Bride-II, годы выпуска – 1991 и 1992) со Стивом Мартином/Steve Martin в главной роли. Фабулы картин более или менее исчерпываются названием. Отец с трудом примиряется с тем, что его дочь выросла. Обстоятельства этого “примирения” и составляют сюжеты картин.

ПЛАНИДА | *анатолий цирульников*
КАЛОШИНА | *– доктор педагогических наук, профессор.*

Это может случиться с человеком и в одной-единственной его жизни – перевоплощение. Не только внешнее: место жительства, семейное положение, профессия. А внутреннее: был таким, а прошел через муку, страдание, покаяние – и стал другим. Вдруг понял, зачем люди появляются на свет. Ради чего все это мироздание. В чем смысл всего.

Собирать книги он начал еще летчиком в Аэрофлоте – летал всюду, денег было много, покупал. Друзья пользовались. И вечно на обрывках оставляли расписки. Вдруг пришла в голову мысль, непозвотно откуда: надо оформить, чтобы была библиотека. Раз пришла мысль, два... А если, говорит он мне, мысль приходит к вам не однажды, к ней надо прислушаться... В рериховских местах. В Уймонской долине. Да, он тогда еще летал. Был туман, Новосибирск закрыли. Сели в Барнауле. И он решил: пошел в отдел кадров и спросил: вам не нужен в какой-нибудь маленький аэропорт в горах сторож? На него посмотрели с недоумением – штурман, двадцать лет стажа, красивый мужчина – и говорят: сторожей хватает, а вот нужен диспетчер в Усть-Коксы.

Он уволился из Аэрофлота, ушел на пенсию и три года, пока аэропорт в Коксе не закрыли, работал диспетчером. Построил дом, зарегистрировал: “Народная библиотека Уймонской долины им. Е.И.Рерих”.

После этого, говорит, ему сразу стало легче. Как после реинкарнации.

Тысячный читатель

Дом с застекленной террасой – на окраине села, рядом лес и горы. Интерьер не деревенский: картины, скульптуры. Во всех комнатах книги. Сам библиотекарь спит на крыльце, у него там закуток два на четыре.

Став юридическим лицом, Леонид Калошин съездил в Москву, добрался до директора “Ленинки” и представился: я такой-то, из алтайских лесов, не поможете? Его завели в катакомбы с бесконечными стеллажами, сказали: бери сколько унесешь. И он сидел днями и ночами, руки все черные, и выбирал – дореволюционные фолианты, “Война и мир” издательства Сытина, Брокгауз и Эфрон...

Второй была сельскохозяйственная библиотека, куда Калошин набегал даже дважды, и теперь местный агроном набирает у него целую коробку книг: животноводство, семеноводство, почвоведение...

Собрал двадцать пять тысяч томов.

В народной библиотеке Уймонской долины, когда я туда пришел, дети за столом играли у горшка с цветами. “Этот ухляпан, – говорил им Калошин, – можете домой взять и посадить?”. “А как за ним ухаживать?” “Я тоже не знаю, – признался Калошин, – вот весной посажу и посмотрю”.

“Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли: нам все равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в стае...”

Заявлялись из ближних деревень и из дальних, везде у Калошина обнаруживались читатели. Однажды пришел тысячный, им оказалась учительница, и Калошин подарил ей антологию гуманной педагогики Амонашвили...

В основном в библиотеку записываются дети, но берут книги и для родителей. А некоторые сами приходят – с такими испитыми физиономиями, Калошин сначала давал книги с опаской, но они аккуратно возвращают. Приезжают на конях, телегах, берут книг помногу... И учителя тоже много заказывают, коробками книги уносят, и вот таким образом, замечает Калошин, педагогический процесс улучшается.

Число читателей сильно выросло, когда он завез учебники. Из московского северо-западного округа привез в Коксу два пятитонных контейнера – одиннадцать с половиной тысяч учебников. Из библиотеки Ушинского – тысячи списанных книг. Учителя говорят, что у Калошина теперь лучшая педагогическая библиотека в Горном Алтае.

То, что больше пяти экземпляров, Калошин другим библиотекам раздает. Будь у него автобус, мог бы все деревни объезжать и выдавать книги. А пока к нему приезжают библиотекари и набирают две кипы: одну для взрослых, другую для детей.

“Ты из Башталы?” – “Ага. У вас есть физика для седьмого класса?” – “Только что последнюю отдал. Где ты была раньше?” – “А биология?” – “Биология есть. Тебе серую?” – “Нет, желтую” – “Желтую разобрали. Поздно ты, подружка, прибежала”.

В первых числах сентября тут у него не продохнуть. Родители бедные, многие не получают зарплаты, не могут ребенку купить учебник. И вот Калошин ездит и достает на весь район. А сам... зима на носу, а у него и дров нет.

Куплю все

Отношения между Калошиным и детьми похожи на те, которые описал другой летчик, сделавший вынужденную посадку в пустыне Сахара. Он, как вы знаете, встретил там мальчика, угадавшего, что на рисунке не шляпа, а проглоченный удавом слон.

Дверь библиотеки открывается, мальчик спрашивает: “Рисунки принимаете?”

Когда у Калошина идет конкурс рисунков, здесь все картинами облеплено. Жираф на двери – “Задумчивый житель саванны”. “Коты-аристократы”... Рисуют на обоях, на клеенных листах заявок на гранты, на обороте стенового календаря. “Задумчивый житель саванны” или вот произведение – называется “Чтобы мир был полон людей. Никто ни на кого не обижался”. Подписано: К.Н., то есть Казанцева Надя из шестого класса. “Она, – говорит Калошин, – уже как маститый художник подписывается – К.Н. А еще есть М.О.”.

Раз две девчухи копировали профиль, и у одной Пушкин очень хорошо получился, а у другой не похоже. Калошин хотел сказать, смотрит, а она подписывает: “Брат Пушкина”. Единственный, наверное, в мире такой рисунок.

Без призов никто не остается.

Дети – замечательные художники. И вообще замечательные, если с ними заниматься. Один его знакомый ездит за семь километров на велосипеде в другую деревню, там с детьми рисованием занимается, и эти дети все первые премии у Калошина получают.

“Смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим... Мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гирями на лапах”.

В очередной свой набег на Москву зашел народный библиотекарь в Академию художеств – попросить книг. Вдруг видит, а навстречу идет сам Церетели со святой. Калошин к нему, как ко всем: не поможете? Церетели говорит: ну, иди к кабинету. Бросил царственный взгляд на детские рисунки, взял координаты, сказал, вот будет фонд... Но так и не помог. Ну, может, забыл, много нас таких, чтобы была Калошин и усмехнулся. Отвлекусь, говорит, от темы.

В подземном переходе, знаете, стоят люди, держат в руках объявления: “куплю золото”, “куплю меха”. А один хлыст у Киевского вокзала стоит с объявлением: “КУПЛЮ ВСЕ”. Я, говорит Калошин, шел и очень долго смеялся...

Как-то он приехал к Амонашвили на семинар, но опоздал, смотрел в зал через занавески. Полный зал молодых людей, и настолько, говорит, было приятно на них смотреть. Обычно – маска на лице учителя, а тут полный зал молодых светлых лиц. Радостно видеть, что не заглохло, несмотря ни на что... Я, говорит Калошин, был летчиком, теперь библиотекарь, в педагогике ничего не понимаю – и то у меня столько задумок. Будь я министром или царем, все бы провел через себя, начиная с садика. Что творится в стране – тысячи беспризорных. А умницы? Их тормозит общий уровень, а у умника информация идет из космоса. Ученым бы все это обдумать, говорит Калошин свои наивные вещи. С чего начинается страна? С учителя, библиотекаря – эти сословия надо поднимать.

Читатели подрастают, и среди них встречаются такие смышленные. Один говорит: я эту библиотеку всю перечитал и вашу перечитал. Дядя Леня, у вас лучшая библиотека... Такой парнишка никогда не свихнется. Книгу когда выбирает, такой у него взгляд серьезный. Я, говорит Калошин, таким в детстве не был. А этот мальчик взгляд необычный. Их пятеро ребят ходит и бабушка. И какие все дети хорошие. Бывают такие семьи. Как подарок.

Самый драгоценный подарок достался Калошину вот какой: ходила к нему читательница-четвероклассница, красивая – сказка. Однажды пришла, топчется у стеллажей то там, то тут, не может выбрать. Ну, он подобрал ей хорошую книгу. Девчушка ушла, задумавшись. А я, говорит Калошин, провожал ее взглядом, вот отсюда, где вы сидите, смотрю, она вышла из калитки, раскрыла книгу и поцеловала. Представляете? И пошла по заснеженной тропинке, читая. Вы, может быть, говорит Калошин, понимаете мое состояние... А ее отец против того, чтобы она сюда ходила. Библиотека Уймонской долины, Рериха, а к рериховцам отношение разное. Слухи распространяют, залегухи, чем нелепее, тем, думают, больше поверят.

Раз приехала проверять одна из администрации, в черном кожаном плаще, пенсне – вылитый Берия. Ходила-ходила, изучала. Ну и что тут особенного, говорит, библиотека как библиотека. И тут же сама записалась и взяла книгу – “Предсказания Нострадамуса”. В другой раз к Калошину нагрянули пожарники и закрыли из-за того, что нет схемы маршрута покидания помещения. А какой маршрут, если у него одна дверь?

Ну ничего, потом снова открыли, и в библиотеку еще четыреста человек записались. Так вот, насчет благодарности, ту девчушку, что книжку поцеловала, отец бьет за то, что здесь бывает, и она ходит теперь награда. А у нее подружка: одна печенье ему принесет, другая – соленый огурец: “Дядя Леня, покушайте...”

Вид Сатурна из Уймонской долины

Пропасть, словом, ему не дадут. Автономная электростанция на два киловатта – от Джорджа Сороса. Грузовик – подарил один филантроп из Новосибирска. Эти вот стол, полки, лавки – тоже все люди сделали. Картошку помогли выкопать и в подвал опустить. Калошин же здесь, как все, на натуральном хозяйстве.

Так бы библиотека во всех смыслах народная. Кто чем мог, тот и помог. И вы, может быть, библиотеке, говорит мне Калошин, и ваши знакомые. Все, что залежалось, старые книги, учебники, тетради. Что в городе не нужно, там другие прогаммы. А тут все пойдет. Все равно это какими-то учителями было придумано, лучше, чем ничего. Попробуйте использовать свои знакомства с издательствами, а я, говорит Калошин, раз в год езжу в Москву, возвращаюсь с контейнером. Детишки уже ждут, вы ведь слышали?

Он здесь один, а на нем и библиотека, и огород, и дом надо достраивать. Самому читать книги некогда. Ложится в час, встает в полседьмого. А помощников нет. Временные попутчики. Приезжают перебитые, перезимовать, говорит он, а чтобы всего себя отдать библиотеке – такого нет. Но он ждет, может быть, Бог пошлет.

Я спросил: вы живете тут, восемь лет, что происходит с деревней? Как везде, сказал Калошин, с одной стороны, наверное, вымирает. Дажит удивительно, что где-то кто-то посеяли, жнут. “А с другой стороны?” “А с другой стороны, – говорит он и смотрит на меня большими, спокойными, ясными глазами, – очень много детей”.

Как это, не понимаю я, много детей. Откуда? Все же говорят, что детей как раз мало. “Нет, – повторяет Калошин, – много детей в Усть-Коксе, одна ребятня”.

Пока мы стонали, охали, они народились?

Каждый человек появляется на свет под своей планетой. На нее можно посмотреть в телескоп – Калошин купил его, когда еще летал, за триста рублей, и теперь ребятишки смотрят.

Бывает страшная толкотня, приходят сюда смотреть спутники Юпитера и Сатурна целыми улицами. Даже маленькие дети, много на руках держать приходится, чтобы в окуляр взглянул. Первый возглас, когда видят, – это на всю жизнь. Вид Сатурна. Или Луна на нем была экранирована, со всеми кратерами и тропинками.

Я спросил Калошина: а вы когда летчиком были, предполагали, что будет эта оплеть летать? Он смеялся: “Даже в кошмарном сне не могло присниться”. “А не хотеть оплеть летать?” Он сказал: “Есть выражение такое смешное, я взял его от последней жены: так хочется, аж морда болит... Страшно охота летать”.

Судьба, планида Леонида Калошина чем-то напомнила мне Ричарда Баха – летчика-писателя, тосковавшего по этажерке времен Первой мировой, с открытой кабиной, где шумит ветер и ты отделен от земли одним-единственным ремнем безопасности... Я давно хотел прочесть “Чайку по имени Джонатан Ливингстон”, в библиотеке Калошина нашлась. “Почитайте. Все определяется сердцем”.

Глаза у него немного ироничные, но больше в них грусти и света. Елену Ивановну Рерих, чьим именем названа библиотека, считает величайшей женщиной, в одном ряду с Богородицей. В рериховское учение, в душу к Калошину, я лезть не стал.

Это может случиться с человеком и в одной-единственной его жизни – перевоплощение. Не только внешнее: место жительства, семейное положение, профессия и социальное положение: был таким, а прошел через муку, страдание, покаяние – и стал другим. Вдруг понял, зачем люди появляются на свет. Ради чего все это мироздание. В чем смысл всего.

Пойдемте на улицу, сказал Калошин, покажу как луна всходит.

“Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайка имеет право летать, что она свободна по самой своей природе и ничто не должно стеснять ее свободу – никакие обычаи, предрассудки и запреты. Существует только один истинный закон – тот, который помогает стать свободным, – сказал Джонатан. Другого нет”.

Луна была необыкновенная, красная – в селе жгли ботву. Возвращаться мне надо было на ночлег на турбазу через реку, по подвесному мосту, а там в темноте по лесу. Калошин предложил подбросить меня на своем грузовике в объезд. Только, сказал, там переправа, шлагбаум, надо заплатить десять рублей, у меня денег нет.

Мы остановились у переезда, я сунул в окошко десятку, прыгнул в машину и спросил Калошина: “Надо же еще на обратный путь?” “Платят только в одну сторону”, – сказал он.

Когда доехали до моего ночлега, луна стояла уже белая. |

/ Ричард Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон.

ИЩИТЕ ТО, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Ирина прусс
– наш постоянный автор, журналист, редактор отдела
журнала “Знание–сила”.

Игра – язык детей. На этом языке они могут сообщить нам то, что с ними случилось.

Если мы сумеем их выслушать и понять.

Кто-то из психологов заметил, что невротики – это люди недоигравшие в детстве. По меньшей мере, к этому афористическому замечанию стоит прислушаться. Косвенным подтверждением лечебной силы различных игровых техник служит бум игровой психотерапии во второй половине XX века. Иногда явно, иногда интуитивно игровые психотерапевты исповедуют различные варианты так называемых ролевых теорий личности, весьма распространенных в психологии личности, социальной и клинической психологии. Игры популярного мастера групповой терапии Эрика Берна, психодрама и социодрама, мечтающего измерить общество социолога и психолога Якоба Морено, имитационные методы в образовании, психологической организации и мире управления все более активно входят в культуру психологического мышления. В этой ситуации наступления взрослого игрового общества мягкие советы американского психотерапевта Гарри Лендрета не только напоминают о двух ипостасях игры – “игра как увлечение” и “игра как лечение”, но и помогают осознать величие игры там, где она родилась, – игры в мире Детства.

Фрейдизм по-домашнему

В четыре утра моя тринадцатилетняя дочь, вместо того чтобы спать, все еще разговаривала по телефону – уже часа три подряд. “Мамочка, это очень важно, – шептала она в ответ на мои угрожающие жесты, прикрыв ладошкой трубку. – Может случиться несчастье”. Как выяснилось потом, один из ее друзей, Рыжий, собирался кончать жизнь самоубийством. Изложив дочери все свои очень веские основания для этого отчаянного решения, он в конце концов успокоился и кончать собой передумал.

Это была обыкновенная домашняя психотерапия. Наши друзья и случайные попутчики, коллеги и родители нередко поддерживают нас в трудную минуту и порой достигают результатов, о которых профессиональный психотерапевт может только мечтать. И дело вовсе не в совете, который мы якобы ждем и которому почти никогда не следуем. Главное – они нам дают возможность высказаться, слушают нас, и мы чувствуем, что интересны, что нас понимают и принимают такими, как мы есть.

Но можно ли вообразить на месте ночного собеседника моей дочери... четырехлетнего ребенка? Ведь предположить это – значит допустить существование у него сложного внутреннего мира, полного серьезных проблем и трудностей и одновременно содержащего в себе достаточно психических ресурсов для их решения. Только тогда разговор, такой, как у моей дочери с Рыжим, мог бы привести в действие внутренние ресурсы личности, заблокированные отчаянием ребенка.

Но дело в том, что маленький ребенок не может рассказать о себе, он еще не владеет языком взрослых, у него нет понятий, в которых можно было бы сформулировать то, что беспокоит его. Его язык несоответствует уровню развития его сознания, а то, с чем он сталкивается, превосходит этот уровень.

Маленький ребенок не может рассказать о своей боли, о своих переживаниях, но может в них сыграть. Его язык – игра. Она способна передавать даже самые тонкие нюансы его настроения, его чувств. Но взрослые не владеют языком игры, мы забыли этот язык чувств.

Условия свободы

Смешно сказать, но каких-нибудь сто лет назад детской психотерапии не существовало, и терапевты, без конца раздражаясь, требовали от ребенка того же, что и от взрослых: сформулировать свою проблему. Поразительно, до какой степени живучи оказываются представления о ребенке. Мы по-прежнему храним верность в повседневных своих отношениях с собственными детьми. “Ты что, русского языка не понимаешь?!” – раздражается отец; “Скажи, деточка, что с тобой?” – заглядывает в лицо дочери встревоженная мать – и оба, кажется, всерьез ждут ответа. Но мало кому из взрослых придет в голову всмотреться, как и во что играет ребенок, оставленный наедине с собой.

Американский психотерапевт Гарри Лендрет, мастер игровой психотерапии, утверждает, что в силах ребенка самостоятельно разобраться в собственных проблемах. Он даже считает не обязательным для терапевта вникать в суть дела. И с родителями предварительно разговаривать не обязательно – хотя, конечно, можно. Главное в другом: создать ребенку условия, в которых он почувствует себя одновременно защищенным и свободным. И дать ему возможность играть. Просто играть. Не подсказывая ничего, чтобы случайно не оказать давления: дети очень чувствительны к желаниям взрослых и привычно их предугадывают...

Два раза в неделю на 45 минут родители приводят ребенка в специально оборудованную игровую комнату, – и так пять-семь раз, редко больше. За это время все, что нужно, уже происходит.

Ребенок уединяется с терапевтом в комнате, переполненной игрушками и материалами – песком, глиной, цветной и белой бумагой с карандашами и красками, комнате с доской и мелом, с кукольным домом, всевозможными машинами и всем, что трещит, стреляет, стучит, гремит, с разного рода конструкторами, только не очень сложными, чтобы ребенок мог не утвердиться в собственной неумелости и никчемности, а, наоборот, использовал возможность что-то сделать и возгордиться этим... короче, я бы на месте ребенка хотела жить в такой комнате и никогда оттуда не уходить. Тем более что тут же тебе объяснят: в этой особой комнате и в эти ближайшие 45 минут ты можешь делать абсолютно все, что хочешь.

Ну конечно, так он и поверил! Знает он этих взрослых: вечно говорят одно, а потом оказывается совсем другое... Вот, например, если он действительно попробует налить воды в песок или прямо на пол, везде насорить, что-нибудь испачкать – посмотрим, что вы тогда запоете...

Это все квалифицированному терапевту выдержать совсем не сложно; есть вещи куда сложнее, но не менее важные для того, чтобы завоевать доверие ребенка, убедить его в безусловной своей поддержке и понимании, а значит, защищенности.

Правила, изложенные профессором Лендретом для начинающих игровых психотерапевтов, кажутся очень простыми. Некоторые сильно смахивают на правила общения хорошо воспитанных людей: “Не отвечайте на вопросы, которых вам не задавали”. Другие вроде бы чисто технические: “Игрушки надо выбирать, а не собирать”, “Нос ботинка должен следовать за носом терапевта” – речь о технике серьезного отношения к своему клиенту, как к личности, которому нечего совать для игры что попало и которого легко задеть, разговаривая с ним через плечо. А некоторые правила содержат целую философию отношений – не взрослого с ребенком, а человека с человеком: “Ты не можешь принять слабость другого человека, если ты не в состоянии признать свою собственную”.

Простота даже вполне очевидных правил – кажущаяся. Например, не отвечай на вопрос, которого тебе не задавали: имеется в виду ситуация, когда вопрос-то задан и сформулирован весьма определенно, только на самом деле спрашивают вас совсем о другом. Например, когда Джуди спрашивает: “Кто сломал эту куклу?”, она, возможно, спрашивает о том, какое наказание ждет провинившегося, чтобы знать, как себя вести; довольно неожиданный во взрослом разговоре спокойный ответ: “Да, здесь случаются поломки” – будет тогда ответом по существу: можно чувствовать себя свободно, не бояться: этот взрослый понимает, что иногда случается что-нибудь сломать.

Еще сложнее с ответами по существу на прямые вопросы типа “Что это?” – вот тут содержательные ответы категорически запрещены. Если вы скажете, что в руках у девочки кукольный браслет, он никогда не сможет превратиться в наручники, и мальчик Пол не испечет вам “паучий пирог”, потому что вы уже объясните ему, что это что-то другое.

А как вам понравится идея Лендрета, что для свободы самовыражения ребенку просто необходимы некоторые запреты (он называет их осторожно – ограничениями)? Конечно, ребенок не должен поранить ни себя, ни терапевта – это ограничения практические. Лендрет же наделает их и психологическим смыслом: некоторые рамки необходимы для того, чтобы человек мог прогнозировать дальнейшие действия, свои и партнеров; то есть запреты помогают ему держать ситуацию под контролем – никогда не смотрела на них с такой точки зрения...

Ну и, разумеется, совсем простенькое правило: все время ставить ребенка перед самостоятельным выбором и тем самым возлагать на него ответственность за этот выбор – и значит, столь же постоянно демонстрировать, что ты абсолютно убежден в его способности нести эту ответственность. Именно по этим соображениям терапевту категорически запрещено поддаваться на провокации типа: “Я могу с этим делать то-то?”. Нельзя произносить готовые слова с губ: “Да, да”, “Да, да”, “Да, да”, “Да, да”, “Здесь ты можешь делать все, что хочешь”. И на более изощренную провокацию, когда вполне грамотный мальчик пишет на доске простейшее слово с ошибкой и спрашивает у вас, правильно ли он сделал, тоже нельзя поддаваться; единственно правильный ответ: “Здесь ты можешь написать это, как хочешь”.

И вот со всеми этими ограничениями – не для ребенка, а для взрослого – он еще должен все сорок пять минут подряд непрестанно демонстрировать, что он понимает и от всей души поддерживает своего маленького друга, что ребенок ему очень интересен и симпатичен.

Такая вот простенькая задача. Зато если вы с ней справитесь, ребенок действительно расслабится и наконец займется своими проблемами.

Разговор по душам

Ребенок сам не приходит в игровую комнату – его приводят родители, потому что их, родителей, что-то сильно смущает в его поведении: агрессивность, заикание, лень, плохая успеваемость, ночные кошмары – есть множество несчастий, от которых взрослые хотели бы избавить своих детей, не подозревая, что это лишь симптомы какого-то глубокого неблагополучия.

Четырехлетнюю Нэнси, например, привели потому, что она все время рвала свои волосы и тут же их съедала, так что стала совсем лысой. Шестилетний Пол после похорон деда два года требовал, чтобы его возили на кладбище, и там разговаривал с умершим через какую-то дырку в памятнике; в последнее время он стал плохо учиться и агрессивен по отношению к другим детям. Райэн просто умирает от неизлечимой болезни, а его пятилетний брат считает себя в этом виноватым, поскольку болезнь обнаружили после случайного удара, нанесенного во время игры...

Только родители братьев, в общем, понимали, что происходит и с тем и с другим ребенком. Родители Нэнси и Пола просто чувствовали себя виноватыми, но не могли понять в чем.

После долгого привыкания к терапевту, комнате и ее правилам Нэнси, окруженная любящей, но крайне мелочной и требовательной опекой бабушки (мать была занята со вторым ребенком, который только что родился), с вызывающим видом погрузила свои блестящие лаковые туфельки в грязную воду и, поглотившая запретов, довольно долго держала их там (возможно, в этом была её протест сивас запретов). Потом она выкинула из кровати пупков, улеглась на их место и долго и долго протиснула игровую доску. Потом – через несколько сеансов – с этой же соской забралась на руки к терапевту, и они сидели так, обнявшись и тихо покачиваясь, до конца приема. Это был последний раз, когда Нэнси претендовала на роль младенца, совершенно очевидно ревнуя мать к сестренке; уже на следующем занятии она кормила терапевта с ложечки, изображая из себя мать. К этому времени волосы у нее уже отросли и стояли кучерявым облачком.

Она овладела ситуацией и новой ролью старшей сестры. Правда, когда бабушка, покидая Центр игротерапии, потребовала немедленно надеть шапку и рукавицы, четырехлетняя клиентка доктора Лендрета, совсем как прежде, засунула в рот палец и начала его сосать.

Важно внимательно следить за повторяющимися сюжетами игр. Когда Шон на третьем сеансе вновь взялся за змейку и опять она у него, тихо подползая к кукольному домику, заглядывала в окна, стало ясно, как сильно мальчика поразило недавнее ограбление: он потерял чувствительность к защищенности, связанную с родным домом. Еще раз внимательно надо присматриваться к каждому новому движению ребенка в игре: пятилетний Скотт, чрезвычайно закрытый и застенчивый мальчик, впервые протянул взрослому динозаврику – поддержать, пока он ищет другую игрушку, – и взрослый понял это как знак доверия, знак появившейся открытости, готовности к сотрудничеству. А вот Карен впервые за весь час ни разу не обратилась к терапевту, принимая решения самостоятельно, – и это тоже знак происходящих в ней перемен.

Интерпретация каждой такой мелочи практически всегда может показаться сомнительной. Но очевидно, что играя с детьми, доктор Лендрет освобождает их от искажавшей жизнь и мешавшей нормальному развитию травмы, и это самое главное.

Мы часто и много говорим о русском национальном характере и об исторически сложившихся его особенностях: склонности к патернализму, постоянных попытках уклониться и от выбора, и уж тем более от ответственности за него. Публицисты наденутся, что рыночные отношения, частная собственность, развитие демократии вынудят, только другими словами писали российские публицисты и в годы великих реформ Александра II. Но положила руку на сердце, не видим ли мы маленьких подданных в собственных детях? Не торопимся ли решать все за них, хотя и для них? Готовы ли увидеть в них людей, способных решать собственные проблемы? |

ЧАС РЕБЕНКА | *гарри лэндрет*

Хотя сейчас принято говорить, что последнее, что нам осталось познать, – это космос, на самом деле, возможно, последнее, что нам осталось познать, – это детство. Мы так мало знаем о сложных хитросплетениях детства и ограничены в наших усилиях открыть и понять смыслы ребенка, из-за того, что для этого мы вынуждены учиться у детей, а многие взрослые не хотят, чтобы их учили дети. Однако узнать что-то о детях мы можем только от них самих. Дети вносят в общение богатое многообразие эмоциональных возможностей, из которых они плетут узор собственной личности. И то, в каком направлении станут развиваться эти эмоциональные возможности, зависит от взрослого, от его реакций, и от того, что ребенок чувствует в нем.

Отношение к детям с позиций терапии, центрированной на ребенке, базируется на нескольких основных представлениях о том, кто такой ребенок. Я исхожу из того, что:

Дети – это не маленькие взрослые.

Дети – люди, способные к глубоким эмоциональным переживаниям боли и радости. Они уникальны и заслуживают уважения.

Они выносливы, обладают огромной способностью преодолевать препятствия и неблагоприятные обстоятельства своей жизни.

Дети имеют врожденную тенденцию к росту и созреванию. Они обладают внутренней интуитивной мудростью.

Дети способны к позитивному управлению собственной деятельностью. Они способны творчески взаимодействовать со своим внутренним миром.

Игра – естественный язык ребенка, она является средой для его самовыражения, в игре он чувствует себя наиболее комфортно.

Дети имеют право на молчание. Терапевт уважает желание ребенка не разговаривать.

Дети уносят терапевтический опыт туда, где они живут. Терапевт не пытается определить, когда и как ребенок должен играть.

Рост ребенка нельзя ускорить. Терапевт признает это и проявляет терпение.

Ребенок не становится личностью, достигнув определенного возраста или удовлетворив каким-либо нашим требованиям. Каждый ребенок – уникальная личность, и эта уникальность не зависит от какого-либо значимого человека; она не связана с поведением ребенка и не является его функцией. Дети заслуживают уважения, потому что они обладают ценностью и достоинством как индивиды. Их уникальность превозносится и признается терапевтом, который относится к каждому ребенку как к личности. Часто взрослые обращаются с ребенком, как с неодушевленным предметом. Это неверно. Дети – люди.

Ребенок – не объект для изучения, но человек, которого следует познавать в динамике развития. Ребенок в игровой комнате – не проблема, которую следует анализировать, он целостная личность, с которой предстоит общаться и которую следует понимать. Дети и вообще все люди стремятся к тому, чтобы их услышали, чтобы признали ценность. Кажется, некоторые дети идут по жизни, день за днем выстукивая призыв: “Эй, там, наверху! Кто-нибудь слышит меня? Кто-нибудь видит меня? Кого-нибудь волнует, что мои проблемы, кажется, никого не волнуют? Сердце мое болит. Вы видите это? Вас это задевает?”

День за днем взрослые живут своей жизнью, остаются глухими к этим эмоциональным призывам. А в игровой комнате детей замечают, слушают, слышат, им отвечают и позволяют планировать свою жизнь. Дети раскрепощаются, и это позволяет им лучше использовать для роста и самоуправления внутренние ресурсы. Ощущение дозволенности, переживаемое в игровой комнате, позволяет детям наиболее полно выразить свою личность.

У детей есть внутренние силы, они жизнеспособные и гибкие. Попытки объяснить, что они являются продуктом отношений в семье, – значит, существенно упростить дело, ведь такое допущение не объясняет различий у детей, воспитывающихся в одной и той же семье. Как мы объясним тот факт, что некоторых детей не затрагивают, казалось бы, разрушительные события в их жизни? Некоторые дети регулярно получают побои от не любящих и бесчувственных родителей, но при этом остаются живыми в психологическом плане. Некоторые дети растут в бедности, но вырастают богатыми духовно и с оптимистическим взглядом на жизнь. У некоторых детей родители – алкоголики, и, тем не менее, в отличие от своих братьев и сестер, также испытывающих пристрастие к алкоголю, они сохраняют независимость и хорошо приспособлены к жизни. Некоторые дети имеют эмоционально неуравновешенных родителей: при этом сами они успешны и хорошо приспособлены к жизни и в подростковом, и во взрослом возрасте. Возможно, объяснение в том, что при их взаимодействии со средой происходит внутренняя интеграция. Эти проблемы свидетельствуют о способности и стремлении человеческого организма развиваться в направлении достижения полной зрелости даже в неблагоприятных обстоятельствах. Исследователи выделили несколько значимых факторов, которые помогают ребенку остаться неуязвимым, это и высокая самооценка, и самоконтроль, и внутренняя мотивация.

Игра придает конкретную форму и выражение внутреннему миру ребенка. Эмоционально важный опыт получает в игре осмысленное выражение. Главная функция игры состоит в том, чтобы превращать нечто невообразимое в реальной жизни в ситуацию, поддающуюся контролю. Это делается через символы, которые учат детей справляться с трудностями, погружаясь в самоисследование. Терапевт использует игру с детьми потому, что игра для ребенка – символический язык самовыражения. Манипулируя игрушками, ребенок может показать более адекватно, чем выразить в словах, как он относится к себе, к значимым взрослым, к событиям в своей жизни.

Игра рядом с терапевтом – это один из тех редких моментов, когда ребенок управляет собственным “я”, когда он сам определяет, как использовать время. Не предпринимается никаких усилий для того чтобы направлять игру. Это особое время, принадлежащее самому ребенку, и он может распоряжаться им в соответствии со своими желаниями, может поступать так, как ему заблагорассудится. Ребенок может действовать так медленно, как он хочет, и никто не скажет ему: “Поторопись!” Ребенок может быть угрюмым, угрюмо действовать, угрюмо смотреть, и никто не скажет ему: “Будь счастливым!” Ребенок может быть глупым, хихикать, громко хохотать, и никто не скажет: “Веди себя как следует”. Ребенок может быть маленьким, просто крошечным и сосать из бутылочки, и никто не скажет: “Ты для этого слишком большой”. Ребенок может пользоваться клеем, ножницами, красками, построить космический корабль, и никто не скажет ему: “Ты для этого еще слишком маленький”. Это уникальные, необыкновенные время, место и система отношений, когда ребенок может быть самим собой, переживать и выражать то, что он испытывает в данный момент, и быть абсолютно принятым.

В игровой терапии ключом к росту являются отношения, а не использование игрушек или интерпретация поведения. И такие отношения всегда строятся на основании живого опыта:

Личность важнее проблемы.

Настоящее важнее прошлого.

Чувства важнее мыслей и действий.

Понимание важнее объяснения.

Принятие важнее исправления.

Направленность важнее инструкций взрослого.

Мудрость ребенка важнее знания взрослого.

Такие отношения обеспечивают последовательное принятие ребенка, без которого невозможно развитие у него внутренней свободы и чувства безопасности, без которых невозможно выразить и укрепить собственное “я”. |

ИСПЫТАНИЕ РАССТАВАНИЕМ

*Кристиан Вольф
– педагог, психотерапевт, закончил курс обучения детской
и подростковой психотерапии под руководством доктора
Веры Цимтрих и доктора Альбина Хозера-Мозера в Вене.*

Описание одного случая

Эта работа описывает первый год психотерапии с девятилетним мальчиком по имени Бернхард. Он попал ко мне два года назад через два месяца после тяжелой автомобильной катастрофы. Он не пострадал физически, но его потрясла потеря отца, погибшего в этой катастрофе.

Мне очень важно, чтобы это описание передало читателю то, как тронул меня этот случай, нашу взаимную симпатию с мальчиком и то многое, чему мы друг у друга научились. Все эти чувства я переживаю до сих пор, в конце второго года работы.

Бабушка, мама погибшего в автокатастрофе отца мальчика, бодрая пожилая дама искала для своего внука психологическую помощь. Ее беспокоила неуравновешенность Бернхарда, его боязливость, замкнутость, агрессивность, “отказ от школы”, которые она связывала с несчастным случаем. Мы пришли к общему соглашению, что в этой ситуации профессиональная поддержка необходима. Я получил первую информацию о несчастном случае, о семье ребенка, узнал его биографию.

Несчастный случай произошел, когда семья ехала в отпуск. Его причиной стал рискованный обгон ехавшим навстречу автомобилем и столкновение с ним. Бернхард чудом не пострадал, но он все происходящее пережил в полном сознании.

Тридцатичетырехлетняя мать Бернхарда и его тринадцатилетняя сводная сестра, получив тяжелейшие травмы, остались жить. Тридцатичетырехлетний отец умер в тот же день в больнице. Бернхарда забрали “чужие люди”: сначала тетя, затем бабушка. Через три недели после несчастного случая Бернхард пошел в школу, а еще спустя три недели, то есть через шесть недель после несчастного случая, ему сообщили о смерти отца.

С точки зрения бабушки, Бернхард всегда был трудным ребенком, младенцем “орал, не закрывая рта”, позже был “ужасным” ребенком, очень упрямым, “которого за просто так не возьмешь”. Отношения с матерью всегда были напряженными, зато с отцом – исключительными. Он рос творческим ребенком, охотно строил, мастерил, в присутствии посторонних поначалу всегда держался скованно...

После несчастного случая он много спрашивал про отца, его утешали, “не отнимая надежды”. Когда мать и ее родители сообщили о смерти отца, он закрылся в комнате с его фотографией и захотел ночевать у бабушки, а не у мамы. Потом Бернхард снова и снова просил рассказать о том, как все произошло. Ему объясняли, что папа попал на небо к бабушке, отец отца умер меньше трех лет назад, с ним Бернхард также был очень близок. Говорили, что папа стал его ангелом-хранителем.

Бернхард отказывался работать на уроках, был упрям, своевольничал, играл роль классного шута, стал психически нестабилен: он характеризовался перепадами боязливости и внезапными вспышками ярости. “Я и сама могу помочь Бернхарду пережить смерть отца, но для того, чтобы лучше справиться с несчастным случаем, ему нужна терапия”, – так формулировала бабушка отношение матери к терапии. Для меня это было показателем скептицизма.

Терапию оплачивала бабушка (позже это взяла на себя страховая компания виновника происшествия). Осознавая краткость и субъективность ее описаний, я почувствовал интерес к Бернхарду и с большим любопытством ждал первой встречи с ним.

Меня встретил маленький, ярко-рыжий мальчик с веснушками, с приглушенным голосом и серьезными, немного грустными, но очень бодрыми глазами. Внимательно осмотрев комнату, он сел в уголок, не обратив никакого внимания на игрушки. Он смотрел мне прямо в глаза и чего-то ждал. Мальчик не знал, почему он здесь. Когда я сказал, что узнал от мамы, что его папа погиб в автокатастрофе и поэтому он очень часто бывает грустным, он молча кивнул. Я сказал ему: “Здесь, у меня, мы можем грустить... или же мы можем играть или делать все, что нам придет в голову и порадует нас”. Эти слова он воспринял также молча, но обратил особое внимание на то, что мы будем встречаться каждую неделю.

С большой охотой и достаточно быстро он отвечал на вопросы о своей семье, отвечал точно и коротко. От себя добавил только, что “лучше бы у него была семья побольше”. Я узнал, что он охотно рисует, и попросил его нарисовать мне дерево. Его манера рисовать быстро и выразительно показала не только то, что он получает радость от этого, но и то, что у него есть талант. Когда он закончил, то снова остановился в ожидании. Игру, в которую мы могли бы по моей просьбе играть вместе, он не нашел, после быстрого осмотра игрушек он сел в ожидании на кресло. В его взгляде был вопрос: “И что теперь?”

Наконец, он сам предложил что-нибудь нарисовать. Охотнее всего он рисовал самолеты, особенно бомбардировщики. А также ракеты. Пока он рисовал, я расспросил его о любимых игрушках – ими оказались оружие, и о его любимой книге – это была книга о самолетах, которую он обещал по моей просьбе принести в следующий раз и посмотреть вместе со мной. На этой договоренности мы расстались.

Итак, первая встреча. “Очень упрямый ребенок, которого за просто так не возьмешь”, – говорила бабушка. Я мог бы дополнить это описание. Его точное видение и его “невозмутимость” я связал с оформленной волей, со значимостью его собственной воли. Его выжидательная позиция озадачивала меня: с одной стороны, я чувствовал его осторожность, а с другой, – его готовность. Казалось, он внимательно проверяет, предложу ли я ему что-то стоящее, что он мог бы подхватить. Одновременно эта проверка касалась чего-то очень личного во мне. Самое подходящее описание первой встречи – утонченная, серьезная, скептическая дистанцированность. Любимые игрушки – оружие и рисунок боевого бомбардировщика – я воспринял как агрессивные составляющие выражения общей напряженности тела.

Бросалось в глаза сильное расхождение между скудностью его речи и выразительностью рисунков. Казалось, что рисуя, он “говорит”. Понятно, что мне придется походить за того, чтобы установить связь с ним контакт. Но его придется ухаживать и отчетливо указывать на рисунок как на “его язык” настроили меня оптимистично. И следующие встречи подтвердили мой оптимизм.

Переживание потери. В игре со мной постоянно повторялся один и тот же мотив: Бернхард в роли разбойника. Когда я оказывался мертв, он постоянно таскавил что-то из моего лагеря. Почти всегда мое оружие было среди украденного. Также в связи с его потерей я понимал постоянное разрушение в конце игры его или наших домов (в то время у него не было дома; мама была в центре реабилитации, а он с сестрой жил у разных родственников).

Конфронтация с темой смерти. Много раз я изображал смерть ковбоя или смерть животных. В этом выражалась не только агрессия Бернхарда, но также и форма “проработки” темы смерти и смерти отца. Ему нравилось играть в астронавтов на Луне, где два друга – я и он – переживали вместе разные приключения: для Бернхарда отец же сейчас на небе, это подтверждали и его постоянные инсценировки катастроф, в основном, авиакатастроф.

Воспоминания о несчастном случае. Стремительность, с которой Бернхард преобразовывал снова и снова конец любой игры в поле боя, была для меня символическим отображением произошедшей автокатастрофы. Обвалы домов, извержения вулкана, костры в аду, землетрясения и его почти маниакальная активность – было понятно, что эти “сценические разрушения” Бернхарда – это самые сокровенные мотивы и трагические меня моменты. В моем восприятии смешались страх, сомнения, ярость и неразговорчивость, которые дали мне понять, насколько сильные чувства должны бурлить в нем и насколько важно их переработать.

Воспоминания о времени до автокатастрофы. Чем отчетливее становились последствия несчастного случая, тем чаще всплывали в играх Бернхарда противоположные воспоминания о времени до трагического события: время, проведенное с папой, их чудачества, ловля рыбы и “пикники”, в отношении ко мне не было скованности, появилась комфортность и большая заботливость в играх.

*Бернхард всегда быстро входил в игру со мной, давал точные указания, но у нас никогда, даже в процессе очень интенсивной игры, не было “личных встреч”. Только в конце шестнадцатой встречи, когда мы играли попури из его любимых игр, он, кажется, оценил мою заинтересованность: прощаясь, я видел его сияющее лицо, чувствовал что между нами возник, наконец, **прямой контакт**. В ролях, которые Бернхард предназначал для меня, я чувствовал себя, с одной стороны, в роли “хорошего отца”, который занимается только сыном, а с другой стороны, в роли **неудовлетворенного человека, который хочет установить контакт и понимание, но у которого ничего не получается**.*

16 часов терапии прошло до того момента, когда у меня впервые появилось чувство, что “дверь открыта” и из наших встреч могут сложиться отношения. И примерно через пять месяцев после начала терапии учительница Бернхарда сказала мне, что его поведение в школе очень сильно изменилось.

Процесс терапии Бернхарда потребовал установления **двух диагнозов**. Один – в отношении последствий произошедшей автокатастрофы – **посттравматическая реакция**. Травматическое переживание разрыва контактов активизировало депрессию, гнев, регрессивное поведение. Второй диагноз охватывает состояние мальчика до несчастного случая – это **невротическая депрессия**. (Важно учитывать, что депрессия у детей и подростков проявляется совсем не так как у взрослых). Очевидны ранние нарушения в его развитии, в возрасте формирования доверия и автономии, возможно, из-за нарушения в диаде “мать–ребенок”...

Преодоление детской депрессии – так я определил **цель терапии**. Необходимо было преодолеть депрессию и печаль, чтобы мальчик смог пережить и позитивно воспринять свои ранние потери и потерю отца. Для этого Бернхарду необходимо было повторить в воспоминаниях несчастный случай, остаться один на один с болезненными чувствами, пережить их и интегрировать. Бернхарду требовалась специальная поддержка матери, так как печаль о потерянном отце он мог пережить только чувствуя, что она понимает его.

Встречи с Бернхардом в течение первого года терапии были посвящены в первую очередь установлению доверия, “получению “новых родителей””, выяснению ролей, ипсукоению и одновременно ободрению, выражению его агрессивных и гневных импульсов. “**Получение “новых родителей”** означало, с одной стороны, появление у Бернхарда чувства защищенности, с другой, – создание теплой домашней атмосферы и оказание ему исключительного внимания. Это происходило в форме ролевых игр, вместе мы ели, читали, мастерили, исследовали, играли в “Черного Петра” или же играли в “регрессивную” игру – прятки или в игры для телесного контакта – щекоптку и “спортивный массаж”. Но “получение “новых родителей” подразумевает также эмпатичное, надежное, взрослое ведение. Необходимость такого ведения для Бернхарда выражалось в повторяющемся инсценировании “цирка”: выступая в роли директора цирка, я должен был дрессировать льва Бернхарда и ставить с ним трюки.

Сейчас, когда я описываю терапевтический процесс Бернхарда, передо мной возникает образ ребенка, который много пережил, но долгое время не мог никому об этом рассказать, и когда представился случай, то он захотел рассказать это моментально. Воспоминания забили ключом, быстро, часто, не заботясь никакой хронологии, – главное, чтобы все было рассказано и был кто-то, кто слушает, кто понимает.

Первый год наших встреч был заполнен представлениями его опыта на разных жизненных стадиях: от ранних (неудавшихся) взаимодействиях попыток общения с матерью до конфронтации – со смертью и ужасом (хотя достаточно часто я не мог понять смысл скрытых посланий Бернхарда).

Насколько важным для него и для меня было разнообразие представлений – в установлении глубинно-психологического понимания смысла, настолько отчетливо находился центр терапевтического процесса на уровне формирования доверия, построения новых отношений между ребенком и взрослым, ребенком и родителями, установления прочных отношений. Очень важно понимать насколько мучительными при ранних травмах могут быть обретение самопонимания, самопринятия, автономии и способности устанавливать отношения.

С моей точки зрения, доверие и установление отношений между мной и Бернхардом развивались в течение этого года действительно хорошо. Мальчик принял мое предложение “**safe-place**”, расслабился, в том числе и физически, стал более спокойным и в то же время более смелым. Его внутренний, а также внешний, семейный мир стал упорядоченнее, стал более выдержанным, он находился уже не под столь сильным давлением и общался лучше, чем в начале терапии.

Он успешно прошел испытание расставанием: в течение девяти недель мы не общались, я послал ему только две открытки. Свое недовольство по поводу “прерывания” наших встреч на лето он сможет сценически выразить и переработать на нашей первой встрече – осенью. |

Описание случая – общепринятая в профессиональной среде психотерапевтов форма представления своей работы. Подобно “Истории болезни” в медицине, “Описание случая” фиксирует непосредственное взаимодействие клиента и терапевта, структурирует его наблюдения и чувства. Обсуждение “случая” с коллегами делает возможным обмен опытом, служит улучшению качества работы психотерапевта. “Описание случая” Кристиана Вольфа – первая публикация на русском языке.

Терапия с Бернхардом проводилась раз в неделю, и раз в месяц Кристиан Вольф работал с его матерью. За первый год было 82 встречи с мальчиком и 21 с мамой. Предполагаемая длительность терапии – еще один год.

“**Safe-place**” – “безопасное место”, один из инструментов детской психотерапии, обеспечивающий возможность исцеления и развития, предложенный швейцарским психотерапевтом доктором психологии Ницей Бернштайном.

Прямой контакт – специфический феномен, связанный с установлением в процессе общения ребенка и психотерапевта особенного взаимодействия, совместного переживания чувства “мы”.

Приобретение новых родителей – метафора, применяемая для обозначения особенной роли терапевта, когда он берет на себя роль заботливого и принимающего родителя. |

КАК РАССТАВАТЬСЯ С ДЕТЬМИ

кирилл разлогов

Уходя, дети освобождают жизненное пространство. Когда ребенок в семье единственный, родители фиксируются на нем. Когда их много – а у меня три дочери – никакой фиксации нет, а просто хочется немножко подышать. Другой вопрос, что соблазн манипулировать детьми очень велик. Причем ты готов манипулировать ими с сознанием собственной правоты... Но ведь владеющий детьми соблазн манипулировать родителями гораздо сильнее. Более того, – им это удастся лучше. Опытным путем они выясняют, нажатие на какие твои “кнопочки” для них эффективнее, и жмут без осечки. Так что самые здоровые отношения с детьми – когда они уже самостоятельны.

У меня в отношениях с детьми всегда действовала одна “технология” – я переживал отрицательные эмоции в связи с ними, лишь когда им было плохо. Или когда они сами делали нечто такое, от чего им становилось плохо. Все остальное, с детьми связанное, всегда у меня вызывало глубоко положительные эмоции. Эта “технология”, я надеюсь, будет действовать и в будущем. Я всегда старался изживать в себе этот извечный родительский комплекс – что дети должны доделать то, что не удалось мне, родителю, что у них должно быть больше денег, больше карьеры, больше счастья в конце концов, что это своего рода их обязанность передо мной – выполнить программу, для них родителями предусмотренную... Да ведь их и без того в спину толкали: папа то, папа это... (Папа – культуролог, директор Российского Института культурологии – Ред.).

И это нормально, когда дети уходят из семьи с энтузиазмом. Значит, они стали взрослыми. Этому надо радоваться – твой долг отныне может считаться выполненным. Другой вопрос, что их должна вести зрелость, самостоятельность, а не желание любым способом уйти из семьи, от тебя. Иными словами, мне кажется, что дети должны уходить куда-то. Куда-то, а не от кого-то. |

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ | *Владимир Петрушов*

“ Ку-ку, мой мальчик! Ку-ку!”

*Фрекен Бок (Фаина Раневская)
в мультфильме про Карлсона*

Сколько можно! Нельзя лениться ТАК МНОГО! Ты целый год не можешь разобраться у себя в комнате! По всему полу инструменты и опилки. Это дико! Надо заниматься делом. Как ты одеваешься? Нельзя с дурацким цветастым индейским амулетом, из которого во все стороны торчат перья сойки, ездить в банк. Нельзя носить в конторе колониальную панаму советского солдата! Что подумают клиенты? И перестань все время жевать жевачку!

Это я себе хорошему. А дочери моей тринадцать.

Захожу в комнату после выяснения отношений. На полу разложены кнопки. Коллочками вверх. Что-то знакомое... Однажды с братом мы забаррикадировались после бурной сцены. У нас был самодельный пистолет. И мы по-простому сказали, что если кто попробует открыть дверь... За четверть века нравы смягчились. Гуманизм, плоды просвещения. Девятимиллиметровый пистолет и кнопки... Да! Но все-таки девочка, а если бы сын? Но это еще как знать. В пять лет Анька распевала песню собственного сочинения:

“Я девочка-циркачка,
Убиваю всех.
Хоп-хоп-хоп-хоп!!!”

И на руках у нее были мозоли, как у молотобойца (от турника на спортивном комплексе).

Теперь, разумеется, все еще хуже. Ужас!

Не то что бы хотелось, чтобы наши девочки ходили в лавандовых башмачках, были нежны, но скромны. А наши мальчики мужественны, но корректны... Но все-таки душевной тонкости хочется, возвышенности чувств. Бывают же люди... Вот идет: горят глаза, как угли в ночи, и смугла кожа на худых скулах, жесты резки и выразительны. Идет и беседует с невидимым собеседником своим, идет неведомым путем по городу, погруженному в мещанские мысли и заботы. Кто это? Известный поэт NN? Непризнанный гений, художник и оригинал? Ничуть не бывало. Это сумасшедший вонючий бомж, каких тысячи и тысячи. Алкоголик и мразь. А это кто еще? Наводит ствол, прицеливается, дыхание задерживает, плавно нажимает на спусковой крючок, и – о, радость! – попал! (“Попал! Дорогой ты мой! Попал!” – фраза Кайдановского из классического фильма.) Не иначе наемный убийца. Избави Бог! – либо Оленин с Тучковым Четвертым стреляют по хорошо одетым симпатичным французам, либо сам Александр Сергеевич желает смерти уже вполне конкретному симпатичному и т.д. И за спиной у них “тысячелетнее дворянство”, библиотеки прочитанных книг, лица, геттингены и “курсы артиллерийских наук во Франции”.

С тонкостью как-то не получается. Не получаются деликатесы духовности: зефиры любви и эклеры поэзии. Только бородинский хлеб.

Так чего мы, собственно, ждем от наших взрослеющих детей, с которыми теряем связь? И чем можем мы им помочь? В чем смысл?

Вот Стругацкие намекали, что смысл в борьбе с законом неубывания энтропии Вселенной. Остальные говорят проще: идет война с силами мирового зла. На этой войне нельзя пасть, можно только сдаться или побежать назад, самому превратившись в наступающую тьму. И наши дети вступают в эту борьбу... Не дадим себе ни на минуту усомниться в том, на чьей они стороне. Не дадим демонам сомнения испоганить наше родство. Мы не можем сражаться за них, но мы можем сражаться рядом и вместе. Пусть знают, что не только они умеют кусаться, что не только они читают “Рамакришну” Роллана в перерывах между “Рамштайном” и “Нирваной”. Пусть знают, что переходный возраст не заканчивается никогда.

“Полковнику потребовалось прожить семьдесят пять лет – ровно семьдесят пять лет, минута в минуту, – чтобы дожить до этого мгновения. И он почувствовал себя непобедимым...”

Год назад я бросил курить. |

КОГДА МЫ СТАНОВИМСЯ МАЛЕНЬКИМИ...

Ранние воспоминания, иногда без уверенности в том было ли это на самом деле – как сон в начале жизни.

Память детства вообще одна из самых притягательных и непостижимых ипостасей человеческой памяти. Кто-то помнит себя в возрасте пяти - шести лет, а кто-то трех. Есть те, кто утверждают, что хранят воспоминания о событиях первого года своей жизни. Но кто знает, являются ли эти воспоминания памятью или ярким продуктом нашего воображения. И все-таки нередко мы ловим себя на том, что нам почему-то хочется поглубже нырнуть в свое детство.

Татьяна Викторовна Бабушкина, наш постоянный автор, привезла в редакцию уникальные записи. Многие годы в ее доме в Ростове на Дону собираются друзья и коллеги, люди разных возрастов и профессий, единомышленники, которых связывает работа с детьми, совместное событие. “Путешествие в детство”, – наверное, так можно было бы назвать ранние детские воспоминания, записанные участниками этих встреч. “Очень важно, воспоминания записывать, это дает возможность посмотреть на них со стороны, увидеть текст своей жизни, а может быть, благодаря этому и повлиять на свое будущее. Собирая и сохраняя ранние детские воспоминания, мы бережем атрибутику детства, духовный опыт, наработанный многими поколениями, а может быть, просто кому-то поможем открыть самоценность памяти детства, ее значимость для взрослой жизни...”

Публикацией ранних детских воспоминаний мы начинаем разговор о границах и феноменах человеческой памяти.

Маленькая я часто задавала вселенские вопросы. Любимым моим занятием тогда было вождение магнитом по обратной стороне картонки, на которой были насыпаны опилки, оживающие под моими движениями как полки, легионы. Именно за этим занятием меня настиг вопрос: “Что такое настоящее, прошедшее и будущее”. Рядом как всегда был дедушка и он сказал, глядя на мою игру: то, что сейчас оживает под твоей рукой – это настоящее, то, что оставило рисунок твоих движений – прошлое, а то, куда направится твоя рука, – это будущее”.

Мне пять-шесть лет. Ночь. Дом спит. Я – нет. Может быть, у меня высокая температура: стучит в висках, пульсирует в кончиках пальцев. А я вдруг понимаю, что расту и слышу это.

В третьем или четвертом классе по внеклассному чтению нам задали прочитать книгу – любую. Я прочла первые 3-4 страницы какой-то стостраничной книги. На уроке меня спросили, о чем она, и я увлеченно и точно, как мне казалось, пересказала эти страницы, а потом... начала выдумывать, досочинять по ходу ответа. Мне было очень стыдно. Я покраснела. Учительница внимательно выслушала меня, сказала: “Достаточно, садись” и поставила 4. Больше никогда в жизни я не испытывала такого жгучего стыда.

К праздникам у нас в доме всегда тщательно и долго готовились. На Новый год украшали две елки: одну – блестящими игрушками, другую – моими поделками. Эти дни я начинала ждать уже с начала декабря. Как-то мы с бабушкой вернулись с прогулки, мне было лет пять. Войдя в тепло комнаты, я увидела, что на книжной полке что-то по-елочному блеснуло, решив, что это сюрприз, я метнулась вверх. Из книги выглядывала обыкновенная закладка из фольги.

Я горько плакала. Никто из взрослых не мог понять почему. Сейчас я думаю, что это тайна ожидания праздника мучительно родилась в тот момент.

В детстве я очень любила читать, больше всего меня интересовали книги о животных и о Великой Отечественной войне. Когда мне исполнилось пять лет, мама вышла на работу, где был ненормированный рабочий день и крайне редко выходные дни. Так что воспитывала меня бабушка, которая жила через дорогу от родительского дома. Ей не нравилось, что я много времени уделяю урокам и книгам, она говорила, что женщина должна уметь вязать – это ее кусок хлеба. Однажды она положила все мои книги в печку и сказала, что если еще раз увидит их у меня в руках, то сожжет. И все же я продолжала читать, но и вязать умела, и бабушка смирилась с этим. В первый класс я пошла в пуховом платке, который связала сама.

Сейчас я не вяжу, это невыгодно, и не читаю, нет времени.

Удивительно, я никогда прежде не вспоминала об этом. В детстве, до школы, мы жили на Урале, в военном городке. Уходить далеко от дома мне не разрешалось, но каждый день я уходила далеко – на вокзал, на станцию, она называлась “Посадка”. Там, в землянке жил какой-то человек. Он всегда был одет в черное. Говорили, что он беглый каторжник.

Мне лет шесть, и я хожу к нему в гости. У нас есть свои тайные знаки – свист, стуки. Он чем-то кормит меня, мы всегда долго беседуем. Однажды в праздник, кажется, 1 Мая, я гуляла с папой. Мы нарядные: папа в парадном мундире, я – в чем-то беленьком, идем не спеша, радостные. Вдруг появляется этот человек в черной телогрейке, подходит ко мне, здоровается со мной за руку. Помню и сейчас это родное пожатие. Мой дорогой, самый строгий в мире папа промолчал тогда. Это был 1961 год.

Одно из самых ярких воспоминаний – время, когда я гостила у своей тети в селе Ивановка Сальского района. Дядя был директором школы, и они жили при ней. Большой дом был поделен на две половины. В одной была, собственно, школа (один класс и коридорчик), а в другой – комнаты, где жили мои родственники. Интересно, что эти комнаты, где где стояла кровать, а где план дома очень четко. Мне было пять-шесть лет, и меня невозможно было выгнать из школьного помещения. Я сидела там, пока шли уроки, а когда все расходились, мы с моим двоюродным братом Сергеем (он был еще младше меня) играли в школу.

А еще помню школьное крыльцо со множеством ступенек, откуда мы любили прыгать – сначала с первой, потом со второй, с третьей и так до самой высокой. Вокруг школы был большой сад, огород, цветник. Там мы любили прятаться и рассказывать страшные истории. В Ивановке мне приснился один из самых запомнившихся снов – про кошачье царство. Потом мы даже играли в него.

В последнее время, может, потому, что я потеряла своих родителей, я часто вспоминаю их молодыми. Вот они пришли из кино и оживленно что-то рассказывают, вот отец играет на аккордеоне, мы все сидим на крыльчке с соседями и поем, а бабушка в шутку обходит нас с шапкой по кругу...

Самое яркое, что звучит во мне, – песня “Золотая моя, золотишко”. Мама была учительницей, и когда в школе зимой появился телевизор, мы всей семьей пошли смотреть передачу “В субботний вечер”. Я физически помню ощущение чуда: маленький телевизор, в нем люди и музыка, песни! А потом мы возвращаемся домой. Мама с папой везут меня на санках, туго укутанную в бабушкину шаль. Я вижу темное небо, звезды и слышу: “Пойду посмотрю, сяду с краюшку, золотая моя, золотишко”.

Москва, конец войны. Раньше район МАИ был окраиной города, сейчас – почти центр. Маленький частный домик бабушки, где собрались все ее дети со своими семьями, – у каждого был свой уголок и в саду, и в доме. Моим был куст боярышника, – с тех пор я ни разу не пробовала эту ягоду, но тот куст всегда со мной. Особенно моим был сундук, на котором я спала, бабушка хранила в нем антоновку. Такого аромата в теперешних яблоках нет. И тот запах всегда со мной. Я всю жизнь этот запах ищу. И если вижу эти яблоки, как бы они ни пахли, я покупаю их, надеясь поймать свой запах, а с ним вспомнить всех родных, которые тогда окружали меня. Бабушка собирала нас всех вокруг себя: было тепло и уютно, так, как бывает, когда вокруг много родных людей.

Я послевоенный ребенок. Сына моей бабушки звали Митенька. Не Дмитрий, а именно Митенька. Бабушка очень берегла его скрипку – осьмушечку. Сам он погиб на Малой Земле, и это горе жило в нашем доме.

Лет в шесть я должна была на этой скрипке играть, но я очень любила лошадей, мечтала стать наездницей. Лошадью становилось все вокруг, даже обычный стул. И в скрипке меня больше всего интересовал смычок. Это был прекрасный кнутик. И вот как-то, оставшись одна, играя со стулом-лошадью, я взяла смычок и отрезала волокна.

Как я скакала в тот день! Когда бабушка вернулась и увидела отрезанный смычок своего сыночка, она села совсем рядом со мной (у нас было тесно) и заплакала.

Это было самым страшным наказанием в моей жизни. И, как позже выяснилось, мерой отношения к поступкам близких людей.

Мне пять-шесть лет, мы живем в Австрии. Папа красив, он Австро выстрелил, а я испугалась. Отец взял меня на руки, прижал к себе и дал подержать пистолет. Потрогала, но мне запомнился не пистолет, а мой красавец-отец, капитан в полевой форме. Возвращаясь домой, мы с ним шли взявшись за руки, а около дома, где жили семьи офицеров, стояли женщины, улыбаясь: “Вот идет самый красивый офицер полка”. Я была счастлива.

В детстве я жила с бабушкой и мамой, папа погиб на войне. Мне было года четыре. Бабушка была очень строгая. Не помню как, но однажды я нечаянно разбила красивый бабушкин бокал (чайную чашку). Я очень испугалась, плакала, но когда меня поставили в угол, долго не хотела просить прощения. Мама уговаривала меня извиниться, но я, не зная почему, не сделала этого.

Живем за Доном. Мороз градусов тридцать. Я учусь в четвертом классе 66-й школы в третью смену. Домой в этот зимний темный вечер возвращаюсь одна. Дон покрыт тонким слоем льда – я об этом знаю. Смело вхожу на лед и пулей влетаю на пригорок от страха, потому что лед стал трескаться. Стою в испуге, но домой надо как-то идти. Вновь я на льду. Уже середина реки. И вновь треск, и вновь я на прежнем пригорке. Уже реву, зову отца. Он должен услышать. Вдруг появляется какой-то мужчина, и я бегу по льду за ним, хотя мне в другую сторону. Наконец противоположный берег. Мой дом. Свет, тепло, родные лица. Не знаю, отчего у меня была потом истерика. От испуга, что не увижу их, от собственной храбрости, от отчаяния.

В детстве, лет в восемь, я однажды пошла в туалет – он был на улице – и нечаянно провалилась в яму одной ногой. Открыть дверь я не могла, сидела там и плакала. Потом меня начали искать, кое-как открыли дверь и вытащили. Я так долго боялась туда ходить.

Мне было девять лет. Родители с большим трудом отпускали меня с подружкой и ее отцом, заядлым рыбаком, на несколько дней на рыбалку. Больше всего в этих поездках мы возвращались с этой самой галечки, мне очень захотелось эти галечки забрать с собой домой. Я набрала их килограммов пять. Нессти их было очень тяжело, причем до поезда нужно было идти пешком довольно далеко. Отец подружки видел, как я мучилась, пытался уговорить меня бросить их, но я не могла с ними расстаться. Но самое интересное: когда я на утро стала их рассматривать, они уже не казались мне такими красивыми, как в воде. |

Об исследованиях ранних детских воспоминаний, о границах нашей памяти, о ее загадках читайте в следующих номерах.

ПСИХОЛОГИЯ КOGНИТИВНОГО ДИССОНАНСА | *маргарита жамкочьян*
– психотерапевт, переводчик, преподаватель курса
“Психология личности”, научный редактор нашего
журнала.

Вообразим себе сцену. С молодым человеком по имени Сэм проводят сеанс гипноза. Ему внушают, что после выхода из гипноза, когда часы пробьют четыре, он должен будет выполнить следующие задания: 1) пройти к платяному шкафу, достать свой плащ и галоши и одеть их; 2) захватить зонтик; 3) пройти восемь кварталов до ближайшего супермаркета и купить там шесть бутылок виски; 4) вернуться домой. Сэму также объясняют, что, как только он все это проделает, власть внушения кончится и он снова станет самим собой. Когда часы бьют четыре, Сэм немедленно идет к шкафу, достает плащ и галоши, захватывает зонтик и выходит на улицу, направляясь в супермаркет. Честно говоря, данные ему поручения выглядят несколько странно, потому что: стоит ясная солнечная погода – на небе ни облачка; рядом с домом Сэма есть магазинчик, где торгуют спиртным, и бутылка виски там стоит столько же, сколько и в супермаркете, расположенном за восемь кварталов от дома; да и Сэм вообще непьющий.

Тем не менее Сэм выполняет задание, возвращается, выходит из состояния транса и обнаруживает себя стоящим посреди собственной квартиры в плаще и галошах, с зонтом в одной руке и большим пакетом, полным бутылок, в другой. На лице Сэма явные признаки смущения, но это длится лишь мгновение. Между ним и его другом-гипнотизером завязывается следующий диалог:

– Привет, Сэм, ты откуда?
– Э... из магазина.
– Да? А что ты там покупал?
– Гм... э... кажется, виски.
– Но ты же не пьешь, разве не так?
– Да... но... я планирую провести сразу несколько вечеринок в последующие несколько недель. Придут друзья...
– А зачем тебе этот плащ, когда на улице солнце?
– Э... ну, в это время года погода изменчива, а мне не хотелось случайно промокнуть. Короче, на всякий случай!
– Но ведь на небе ни облачка.
– Ну кто может гарантировать, что они не появятся!
– Да, кстати, а где ты покупал виски?
– Э... да там... в супермаркете.
– А зачем было ходить так далеко?
– Ну, я подумал... денек выдался хороший, почему бы не прогуляться!

Когда нам приходится оправдываться (а кому не приходилось!), мы вполне осознаем, что защищаемся. Может быть, мы даже осознаем, что это совершенно не продуктивно, но не можем иначе. Что же толкает нас постоянно оправдываться перед другими и перед собой? Что за влечение, род недуга?

Все защитные механизмы не продуктивны, то есть не ведут к решению возникшей проблемы. Что же они тогда защищают, если не помогают разрешить проблему, а загоняют ее внутрь? Если ведут к самообману или искажению реальности? Такое хорошее слово “защита”, а для какой гадости используется...

Первоначальный психоаналитический взгляд на защитные механизмы довольно прост: они защищают от внутренней боли, от тревоги, порождаемой внутренним конфликтом, – об этом писала в шестом номере нашего журнала Светлана Кривцова. Своего рода анестетик, который обезболивает, не устраняя причины болезни и позволяя о ней не думать. Так часто неблагополучные женщины начинают активно заниматься чужими проблемами и жить чужими переживаниями, чтобы свои не болели.

Но нашему-то Сэму, эпизод с которым описал в своей книге “Общественное животное” американский психолог **Эллиот Аронсон**, чего бояться? Что у него болит, когда он так странно себя ведет? Не правда ли, смущение, замешательство вполне было бы адекватно ситуации. Но “смущение длится лишь мгновение”. Очевидно, есть еще одна составляющая защитного механизма, когда он действует не “против” – против боли, против тревоги, а “за” – за сохранение внутренней целостности нашего собственного “я”, внутреннего согласия. У Сэма налицо **диссонанс** – расхождение между его “странным” поведением и пониманием ситуации. Ему настолько важно привести их в соответствие, что он использует для этого совершенно нелепые “логические” аргументы.

Теория **когнитивного диссонанса** (когнитивный – значит познавательный) была разработана выдающимся американским психологом **Леоном Фестингером**. Многие психологи считают, что уменьшая диссонанс, мы сохраняем положительный образ своего “я” – образ, рисуемый нас хорошим, умным человеком. В случае с Сэмом можно было бы сказать, что он хотел бы остаться в своих глазах человеком разумным, рациональным. И его оправдания очень похожи на защитный механизм рационализации. Защищая свое хорошее “я”, мы опять же действуем, защищаясь против мысли о том, что “не все ладно в Датском королевстве”. Но дело-то в том, что если у человека сложился негативный образ своего “я”, то он будет вести себя таким же образом, он будет защищать свое плохое “я” от внутренней расогласованности с таким же жаром, что и хорошее. Любая расогласованность мучительна!

А этот пример уже из моей практики. Мальчик одиннадцати лет заявил мне при первой же встрече: “Моя проблема в том, что я плохой”. Он словно сошел со страниц хрестоматии: сын двух алкоголиков – значит, плохой уход с раннего детства и отсутствие базового доверия. (Моя жизнь не представляет никакой ценности для родителей, значит, я ее и не заслуживаю – я плохой.)

С ним много возились хорошие учителя. Его вовлекали в школьные театральные постановки, где он играл талантливо. Но когда его хвалили, он реагировал очень агрессивно, напрягался и старался кого-нибудь толкнуть, ударить. После этого вздыхал с облегчением и успокаивался. Все становилось на свои места. Согласие с собой любой ценой.

Еще одна очень важная особенность когнитивного диссонанса – его информационная составляющая. Все психоаналитические теории защитных механизмов пренебрегают информационной мощью “я”, считая её полностью зависимой от внутренних влечений и конфликтов человека. Но оказывается, что свобода неотделима от когнитивного диссонанса, и, значит, по сравнению с условиями несвободы более сильными и частыми должны стать и переживания диссонанса. Если бы Сэм знал, что его загипнотизировали, то есть его поведение несвободно, зачем бы ему понадобилось искать логическое оправдание. Если вы живете в обстановке идеологического насилия и принуждения, вам не надо прибегать к диссонансу, чтобы оправдать свои поступки или мысли, но если вдруг наступает свобода... Вот здесь и подстерегают ловушки, в которые попалось, например, большинство наших журналистов, особенно самых “независимых”. У них был опыт работы с принуждением, и они не узнали коварного “диссонанса”, когда стали свободны, и начали оправдываться.

Чтобы разобраться в этом, познакомимся поближе с некоторыми экспериментами социальной психологии. Предположим, вы застигнуты страшным стихийным бедствием, ну допустим, землетрясением. Вокруг вас рушатся дома, гибнут люди. Вы в ужасе. Нужно ли искать оправдания своему страху? Конечно, нет. А если землетрясение произошло в соседнем городе. Вы ощущаете слабые толчки и слышите рассказы о разрушениях. Вы снова испуганы, но на сей раз не находитесь на месте катастрофы, люди вокруг вас не пострадали, и ни один дом в вашем городе не разрушился. Нужны ли теперь оправдания вашему страху? Да, нужны.

Индийский психолог **Джамуна Прасад** выявил следующую закономерность: если землетрясение происходило в соседнем городе, а жители близлежащей деревни (в которой и проводилось исследование) могли ощущать толчки, но подвергаясь в то же время непосредственной опасности, то в этой деревне отмечалось появление множества слухов, предрекавших другие надвигающиеся беды!

Отчего же во всем мире люди не устают сочинять подобные истории, верить в них и передавать их другим? Эти люди мазохисты? Или параноики? Ведь совершенно очевидно, что подобные рассказы вряд ли внесут в души тех, кто распространяет и слушает их, чувства покоя и уверенности.

Итак, когнитивным диссонансом называют состояние напряжения, возникающее всякий раз, когда у человека одновременно имеются две идеи, два убеждения, мнения, две когниции, которые психологически противоречат друг другу. Иными словами, они находятся в диссонансе, если из первой следует отрицание второй. Так как появление когнитивного диссонанса всегда вызывает неприятные ощущения, люди стремятся уменьшить его. Придерживаясь двух противоречащих друг другу идей одновременно – значит флиртовать с абсурдом, а люди, как заметил философ-экзистенциалист **Альбер Камю**, – это существа, которые тратят свою жизнь, чтобы попытаться убедить себя в том, что их существование неабсурдно.

Каким образом мы убеждаем себя в том, что наша жизнь не является абсурдной, иначе говоря, как мы уменьшаем когнитивный диссонанс? Путем изменения одной или обеих идей (когниций) таким образом, чтобы сделать их более совместимыми друг с другом, или же добавляем другие идеи, помогающие преодолеть разрыв между двумя первоначальными.

Вот пример, увы, слишком знакомый многим. Предположим, человек, будучи курильщиком, читает сообщение о медицинских исследованиях, доказывающих связь курения с раком легких и другими заболеваниями дыхательных путей. Курильщик испытывает диссонанс: когниция “я курю сигареты” вступает в диссонанс с другой – “курение вызывает рак”. Очевидно, в данном случае наиболее эффективным путем уменьшения диссонанса является полное прекращение курения: когниция “курение вызывает рак” консонантна когниции “я не курю”. Однако для большинства людей бросить курить – задача не из легких.

Если человек принял серьезное решение – например, бросить курить, – а затем его не выполняется, то его внутреннее согласие с самим собой подвергается серьезной угрозе и, естественно, вызывает диссонанс. Один из путей уменьшить его и восстановить, если не здоровые легкие, то хотя бы здоровый образ себя, – это принизить значение ранее принятого решения, убедив себя в том, что курение менее опасно, чем это казалось. Это наблюдение подтверждается исследованиями психологов.

Предположим, вы высшее должностное лицо одной из ведущих табачных компаний, что предполагает преданность идее курения. Ваша работа состоит в изготовлении, рекламировании и продаже сигарет миллионам потребителей. Если кто-то курит, это выгодно вам, – правда, и вы в некотором смысле частично ответственны за болезни и смерти огромного числа людей. Осознание этого факта вызовет у вас болезненный диссонанс: ваша когниция “я порядочный и добрый человек” вступит в диссонанс с другой – “я вношу свой вклад в раннюю смерть огромного числа людей”. Чтобы и впрямь избежать убеждения себя в том, что вы морально человек, вам придется зайти так далеко в своем недоверии к антисигаретным фактам, что взять и закурить самому! Если ваша потребность в самооправдании достаточно велика, вы даже можете убедить себя и в том, что сигареты приносят пользу. Такimotoпорядочному и правильному человеку, вы предпринимаете действия глупые и опасные для вашего здоровья.

Данный анализ настолько фантастичен, что ему почти невозможно поверить. Почти невозможно. Однако в 1994 году в США прошли сенатские слушания, посвященные опасностям, связанным с курением, во время которых выступили руководители ведущих табачных компаний. И они признавались, что сами являются курильщиками, на полном серьезе утверждая, что сигареты не более вредны и не являются большим наркотиком, чем видеоигры или жевательная резинка!

Есть два остроумных следствия из теории когнитивного диссонанса: **недостаточное вознаграждение** и **недостаточное наказание**. Студентам за вознаграждение попросили выполнить задание, заданное было скучным. Один из путей уменьшить диссонанс – по десять долларов. И попросили привлечь и других студентов. Кто будет рассказывать, что задание было не таким уж неприятным и нудным? Оказывается, что приукрасить (солгать) согласились все студенты – и за доллар, и за десять. Но приукрашивали больше те, кто получил только доллар. Доллара оказалось недостаточно, чтобы изобрести их от ощущения, что они попали в дурацкое положение. С целью уменьшить это ощущение они были вынуждены уменьшить диссонанс: это, мол, была не совсем ложь, а само задание было не таким уж скучным, как показалось вначале.

Если людям платят мало, а они все-таки согласны выполнять предложенную работу, возникает диссонанс. Тогда они приписывают работе особые положительные качества и таким образом получают от нее удовольствие, и тем больше, чем меньше платят.

То же и с наказанием. Предположим, что вы мама пятилетнего мальчика, которому нравится бить свою трехлетнюю сестренку. Убедить его не удастся, тогда вы начинаете его наказывать за проявления агрессивности. У вас есть целый набор наказаний – от простого мягких (проявления агрессии) до предельно жестких (порка, угол, лишение удовольствий). Чем строже наказание, тем вероятнее, что ребенок изменит свое поведение, но только у вас на глазах. Стоит только вам отвернуться, он опять может ударить сестру исподтишка. А если пригрозить мягко? При любой угрозе – мягкого или строгого наказания – ребенок испытывает диссонанс. Он знает, что не должен обижать слабого, и в то же время знает, что ему ужасно хочется это сделать. Как только ему захочется ударить сестренку, а он этого не сделает, то результатом станет недоумение: “Как так, почему я не ударил?” Если ему грозит строгое наказание, достаточное внешнее оправдание у него под рукой: “я не ударил, потому что люблю сестру”. А в случае угрозы мягкого наказания он не найдет удовлетворительного ответа. Диссонанс останется. И придется мальчику убедить себя в том, что на самом деле ему вовсе не нравится бить сестру, что он вовсе и не хотел этого делать и что вообще невелико удовольствие строгое наказание! Оказалось, что это поразительно устойчивый феномен. Если принять то, что не совпадает с собственным образом, как часть себя, происходит вот что: образование нового консонанса “я привык думать, что я доброжелательный человек и не испытываю к людям агрессии. И если вдруг мне говорят, что я агрессивен, я очень удивляюсь и отрицаю это.” “Что вы, это не агрессия, это же сержусс...” – защитный механизм отрицания. Стоит только признать: да, оказывается иногда и я могу быть агрессивным, как появляется неожиданное удовольствие от явной, а не скрытой агрессии: “Эй, не стойте слишком близко, я тигренок, я не киска”. Наступает облегчение. Появляется новый **консонанс**, согласованность на другом уровне. Не так легко сделать этот прорыв (часто здесь и помогают психологи), но как только прорыв произошел, процесс идет легко, как бы сам собой.

Вот как мы справились с проблемой негативного “я” у моего одиннадцатилетнего клиента. Я спросила “плохого” мальчика, а для кого, как ему кажется, он плохой. И он перечислил и маму, и папу, и даже бабушку, которая была в основном растла. С явной нарастающей удовлетворенностью он отвечал на мои вопросы: “И для учительницы (лабастимой)?” – “Да”, – “И для ребят (с которыми дружит)?” – “Да”. И тогда я спросила с невинным видом: “И для твоей собаки?” (Я уже выяснила, что у него есть собака.) И он не смог мне ответить “да”! Он растерялся, в глазах его мелькнуло что-то, как будто мир перестраивался в этот грустный список. И дальше оставалось только попросить его посмотреть на свою собаку и представить, что она о нем думает.

Это было домашнее задание. Несколько дней он бегал счастливый по школе и все спрашивал, когда я приду, чтобы рассказать мне, что, когда собака сидела у стола, он дал ей кусочек печенья, и собака “подумала”: “Какой у меня хороший хозяин”. Переворот произошел, возникла согласованность с самим собой. |

ЧУДЕСНАЯ ГАЗЕТА марина аромштам, екатерина лаврентьева ДЛЯ ДЕТЕЙ

Для взрослых выходит много разных газет: тонких и толстых, серьезных и веселых, желтых, красных, откровенно грязных ... Что читать – они решают сами. У них есть выбор.

– Посмотрите! Посмотрите, – говорили дети на встрече с журналистами газеты “Первое сентября”, – какой толстенный “Коммерсант” получает мой дедушка! Ему лично приносят эту газету и кладут в ящик. Каждую неделю! Мы тоже хотим!

– Хотите “Детский коммерсант”?

– Хотим свою газету! Хотим читать свою газету!

Вы, конечно, догадываетесь, на какое слово мы отреагировали? На слово “читать”. Мы ему страшно обрадовались. И не поверили детям. Не захотели обманываться. “Читающих детей” сегодня стоило бы заносить в какой-нибудь список наподобие “Красной книги” для вымирающих видов редких животных.

Наши американские коллеги, на двадцать лет раньше нас с вами пережившие тотальную экранизацию и компьютеризацию детской жизни, приравняли катастрофическое падение уровня детского чтения к общенациональной катастрофе и разработали целую систему мер, чтобы стимулировать детей читать и поменьше времени проводить у телевизора. Существует, например, практика поощрительных талонов. Если ребенок всю неделю (кроме воскресенья) не включал телевизор и родители подтверждают это письменным заявлением, в школе ему выдается талончик некоторого денежного достоинства. Талончик можно получить и в библиотеке за прочитанную книгу (после беседы с библиотекарем), и за удачное сочинение по литературе... В конце полугодия ребенок может обменять накопившиеся талончики в специальном магазине, где продаются игрушки и всякая канцелярская всячина. Это путь решения проблемы по-американски. У них он работает.

А мы... Мы решили выпускать газету для детей. Газету, которую бы дети полюбили, не подозревая о наших тайных планах спасения книжного человечества.

Мы исходили из того, что дети любят. Во-первых, играть (даже если они уже стали школьниками). Во-вторых, общаться. В-третьих, шутить и смеяться. Поэтому в нашей газете должно быть много игр. Конечно, таких, которые, развлекая дадут работу голове. Газета должна стать полем общения детей между собой и полем общения между детьми и взрослыми. Поэтому в ней должны быть вопросники, анкеты и конкурсы. Возможно, подумали мы, нам удастся узнать о наших маленьких школьниках нечто такое, о чем пока еще никто не догадывается. Что касается шуток, это мы и сами любим. И мы готовы шутить ... даже над собой. Собственно, нашим задержанным, нервным детям просто необходимо посмеяться над школьной жизнью, над собой в роли учеников, над родителями и над своими (пусть любимыми!) учителями. Тут мы возьмем за образец восточную страну Японию, где в вестибюле каждого предприятия установлено кукольное изображение руководителя: если ты раздражен, раздосадован, взвинчен, иди и стукни по чучелу – дай выход отрицательной энергии.

Мы хотим создать на страницах детской газеты игровое психотерапевтическое пространство для наших маленьких ... так и хочется сказать, читателей. А почему, собственно, нет? Ведь между играми и картинками дети обязательно наткнутся на стихи и тексты. Эти тексты будут короткими и написанными крупными буквами, чтобы прочитать их не составляло труда. Они будут выдержаны в любимых жанрах детского фольклора – смешилки, страшилки, приговорки. От такого чтения, конечно, еще очень далеко до обливания слезами над золотыми страницами классики XIX века. Но ведь и малые жанры занимают в литературе достойное место, особенно, если принадлежат авторству замечательных детских поэтов и писателей нашего времени. Главное, чтобы дети читали их по доброй воле и с удовольствием. Поэтому не будем требовать от жизни слишком многого. Не этому ли учили нас наши учителя, заставляя повторять наизусть “Сказку о рыбаке и рыбке”? Удовольствуемся для начала новым корытом и верой в светлое будущее!

Итак, дорогие родители, дорогие коллеги! Мы придумали детскую газету, которую назвали Чудесной. На наш взгляд, она должна совершить чудо – вернуть детей к печатному слову. |

Регулярно “Чудесная газета” начнет выходить с сентября 2001 года.

Подписной индекс по каталогу “Газеты, журналы” агентства “Роспечать” 35901, на год – 35902. Подписка на год осуществляется по льготным ценам.

Мы очень ждем ваших откликов и предложений по проблемам детской газеты и детского чтения.

Письма присылайте по адресу:

121165, Москва, ул. Киевская, д.24, “Чудесная газета”
